

III. ПУБЛИКАЦИИ

В. П. БОТКИН

ПИСЬМА к М. А. БАКУНИНУ

Публикация Б. Ф. Егорова

В предшествующей публикации¹ было напечатано 10 писем В. П. Боткина к М. А. Бакунину, охватывающих первый год их переписки, от 15—16 июля 1837 до 17 июля 1838 г. Ниже вниманию исследователей предлагаются наиболее существенные из последующих писем В. П. Боткина (всего их за весь период переписки 1837—1840 гг. известно 46). Отдельные отрывки из некоторых писем были напечатаны в трудах историков и литературоведов.² В этих же работах достаточно подробно освещены взаимоотношения Боткина, Бакунина и Белинского.

Три темы господствуют в предлагаемых письмах Боткина к Бакунину, иногда следуя друг за другом, иногда напряженно сплетаясь: выяснение весьма непростых личных отношений (Боткин и подчинялся властному характеру Бакунина, и постоянно стремился освободиться от крайностей давления); любовь Боткина к сестре Бакунина Александре Александровне,³ вызывавшая у Бакунина сложный комплекс переживаний, среди которых преобладали ревность и неуверенность в глубине чувств влюбленных; наконец, сообщения Боткина о своих занятиях, особенно об изучении получаемых из Германии материалов, отражающих философскую и социально-политическую полемику младогегельянцев и реакционеров. Все эти темы представляют первостепенный интерес для понимания идейно-нравственной атмосферы круга Бакунина и Белинского на грани тридцатых и сороковых годов.

---

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976, с. 90—103.

² См.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1915 (далее: Корнилов); Березина В. Г. Белинский и Бакунин в 1830-е годы. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1952, № 158. Серия филол. наук, вып. 17, с. 34—86 (далее: Березина); Егоров Б. Ф. В. П. Боткин — литератор и критик. Статья 1. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1963, вып. 139, с. 20—81 (далее: Егоров).

³ Подробное изложение истории этой любви (с некоторыми неточностями) см.: Корнилов, с. 526—557.

Особенно тесно сплетены в письмах первые две темы, ибо взаимоотношения Боткина и Бакунина в основном определялись историей развития боткинской любви. Эта история началась в июне 1838 г., когда мать Михаила Бакунина, Варвара Александровна, приехала с дочерьми Татьяной и Александрой в Москву и Боткин почти ежедневно встречался с ними. Боткин влюбился в Александру, увидел с ее стороны намеки на ответное чувство, поэтому письма его к Михаилу (см. письма от 20 и 21 июня 1838 г.)⁴ полны ликования и счастья. Вслед за этим Боткин посетил Прямухино, тверское имение Бакуниных, где неделикатный друг учинил ему оскорбительный допрос (см. письмо от 17 июля 1838 г.); Боткин, мягкий и нерешительный по характеру, оглушенный нападками товарища, сам стал колебаться и сомневаться (см. письмо 1 настоящей публикации), но затем (возможно, под влиянием упорно спорившего с Бакуниным Белинского) начал в свою очередь тоже «на равных» спорить с нападающим (см. письма 3, 5). А когда Бакунин, жаждавший уехать за границу и полный сомнений в своих материальных возможностях, обратился к Боткину с просьбой не оставлять его в трудную минуту, то возгордившийся Боткин ответил самодовольным письмом (письмо 10), в котором можно усмотреть сомнения в искренности чувств просителя: Боткин как бы мстил Бакунину. Последний — наверное, в припадке ярости — ответил очень резко, и снова Боткин, опасаясь разрыва с дорогой ему семьей, сник и стыдливо попросил прощения (письмо 11).

К лету 1839 г. отношения становятся более ровными. Боткин опять едет в Прямухино, где его личное общение с Александрой и Михаилом создает иллюзию гармонии и радужной надежды на будущее. По возвращении Боткина в Москву между ним и Александрой Александровной завязывается романтическая переписка, из которой в архиве Бакуниных сохранились лишь письма Боткина (Александра Александровна впоследствии потребовала от него возврата всех ее писем и, очевидно, затем их уничтожила). Письма Боткина к ней — удивительная смесь восторженных чувств, сентиментальности, сомнений в себе и в ней.

Неожиданно одно из писем Александры к Михаилу, где она говорила о своих чувствах к Боткину, попало в руки ее родителей, убоявшись возможности ужасного мезальянса: брака дворянской дочери с купеческим сыном. Разразился семейный скандал (см. письмо 20), который заставил авторов переписки перейти к реальным действиям. Боткин и Александра Александровна в конце концов в ноябре 1839 г. вынудили ее родителей дать согласие на будущий брак; согласие, однако, было уклончивое и обставленное оговорками: окончательное решение откладывалось на год, молодым людям запрещались свидания и переписка (очевидно, родители надеялись, что через год они сами не сохранят своих чувств). Правда, тайная переписка опять возобновилась, но в ней с еще большей силой возобладали сомнения, на этот раз взаимные. А. А. Корнилов считает, что именно на этом основании «с Мишелем отношения у Боткина все более портятся» (Корнилов, с. 552). Это неточно. Как видно из пи-

⁴ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год, с. 97—100 (письма 7, 8).

сем Боткина к Бакунину от зимы 1839/40 г., отношения были, наоборот, относительно спокойные и дружественные, хотя Бакунин, наверное, и настраивал Боткина на более решительные действия (в кругу друзей даже предполагался тайный увоз девушки из дому). Интересно письмо Бакунина к Н. А. Беер⁵ от 21 марта 1840 г., где ярко обрисована разница характеров Бакунина и Боткина: «Прошедшую субботу встретились мы с Боткиным» у Огарева и стали играть в шашки. Он мне сказал: „Нет, Мишель, уж, пожалуйста, не вводи меня в конфликт“, а я ему в ответ: „Эх, друг, ты все прячешься по уголкам, выходи-ка на чистую воду“. Видите ли, Наталья, для умных людей всякая глупость, даже шашки, могут служить поводом к тому, чтоб сказать несколько умных речей».⁶ Однако Бакунин в марте—апреле 1840 г. занялся уговорами родителей отпустить его в Берлин, поэтому дела сестры и Боткина стали его интересоваться несколько меньше, как видно из его письма к Н. А. Беер от начала апреля: «...оставим Боткина в покое <...> потому, что Alexandrine его действительно любит и это возвышает его в глазах моих и делает его для меня священным» (Бакунин, II, 417). И лишь к лету, к отъезду Бакунина за границу, наступает в самом деле разочарование. В прощальном письме к сестрам Беер от 29 июня 1840 г., перед отплытием из Петербурга, Бакунин резюмирует: «Alexandrine еще не в ясности с собою; кажется, что она не любит Боткина и что она не будет его женою. Если мое предположение сбудется, то я от всей души перекрещусь» (Бакунин, II, 436).

К концу пребывания в России у Бакунина были все основания разочароваться в Боткине: ведь вся тяжесть моральных переживаний и семейных ссор пала на Александру Александровну. Она стала очень плохо себя чувствовать, а Боткин как будто бы в интересах охраны ее здоровья еще, видимо, окончательно добил ее нравственно своим сообщением об отказе от женитьбы (см. письмо 26). Правда, одновременно он писал родителям девушки о своем желании приехать в Прямухино для объяснений и, конечно, получил отказ, что еще более ввергло его в растерянность. Тайная переписка молодых людей, впрочем, продолжалась еще несколько месяцев, но в конце 1840 г., уже после отъезда Бакунина за рубеж, она, постепенно затухая, прервалась окончательно. Последнее из пачки писем Боткина к Александре Александровне относится к 19 декабря 1840 г., и там есть очень горькие строки: «Вы позволяете мне писать к вам — но я не знаю, что писать мне и о чем писать. Вы так меня отдалили от себя, так убили во мне всякую уверенность в вашем чувстве ко мне, что я даже не знаю — для чего я писать буду» (ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 20, л. 53).

Как и в большинстве романов участников философских кружков тридцатых годов, ярко выявился «головной», теоретический характер любви

⁵ Сестры Наталья Андреевна (1808—1887) и Александра Андреевна (1810—1847) Беер — дальние родственницы, а также друзья юности Михаила Бакунина и его сестер; летнее имение Бееров Попово находилось в трех верстах от Прямухино.

⁶ Бакунин М. А. Собр. соч. и писем, т. II. М., Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934, с. 390 (далее: Бакунин, том, страница).

Боткина к Бакуиной (впрочем, с романтически-экзальтированным оттенком); столкновение с действительностью быстро разрушало такие романы.

Не менее напряженными, чем отношения с Бакуинными, были связи Боткина с Белинским; они лишь частично отразились в письмах Боткина к Бакуину. Конфликты начались еще в мае 1838 г., отражая споры Белинского с Бакуиным (Боткин был в основном на стороне Бакуина), затем наступило некоторое улучшение отношений, которое в конце года сменилось враждебностью (главным образом из-за материальной зависимости Белинского от Боткина: Белинский был в то время совершенно без средств существования). В феврале 1839 г. состоялось перемирие, но весной произошла новая ссора, чуть не приведшая к окончательному разрыву. Поводом послужила история неудачной любви Белинского к А. М. Щепкиной; поведение Белинского в этой истории было осуждено друзьями. Однако немалую роль, наверное, сыграли и идейные разногласия: именно весной 1839 г. Боткин под влиянием передовых философских и политических идей стал менять свои литературные взгляды, а Белинский еще не освободился от «примирительных» гегельянских принципов и весьма скептически относился к романтическим крайностям Боткина. И лишь летом 1839 г. совершилось примирение; с середины сентября Белинский даже переехал к Боткину и жил у него свыше месяца, вплоть до своего окончательного отъезда в Петербург. Впрочем, споры Боткина с Белинским продолжались и в сороковых годах (см.: Его-ров, с. 33 и след.). Такова идейная и бытовая атмосфера, окружающая Боткина в период, к которому относятся публикуемые письма.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 16, оп. 9, № 23). Даты указаны по старому стилю.

1

«Москва. Конец июля 1838».

Милый друг Миша, посылаю песни Офелии из «Гамлета»,¹ о которых говорил я Татьяне Александровне.² Эта сцена, эти песни и эта музыка глубоко действуют на меня. Несмотря что столько раз видел я «Гамлета», эта сцена всегда с новою, живою силою размучивает мне душу. *Der Schmerz umfaßt ja auch eine unendliche Welt,*^a — писала Татьяна Александровна к Лангеру,³ говоря об *adagio* одного квартета Бетховена,⁴ — истинная, глубокая мысль, — я хотел было эти слова сделать эпиграфом к песням Офелии. Тяжелая, заунывная грусть лежит в них, — я их страстно люблю. Эта простая музыка, эти молитвенные звуки, этот голос любящего, юного, нежного безумия, — я не умею передать тебе, что я чувствую. — *Der Menschheit ganzer Jammer faßt mich an,*^b — в этой сцене Офелии растворяется все существо мое в бесконечном океане грусти.

^a Скорбь охватывает также и бесконечный мир (нем.).

^b Вся боль человечества охватывает меня (нем.).

Попроси, пожалуйста, какого-нибудь из братьев списать мне Vater, ich rufe Dich,³ со всеми словами, и пришли мне.

Как я чувствую здесь одиночество свое в музыке. Странное дело! Все наши друзья прекрасные, умные люди, — а ни для кого из них музыка не существует как искусство, — даже почти и совсем не существует. Только мы с тобой двое чувствуем и можем говорить о музыке и ни с кем кроме. Ты не поверишь, как это отделяет меня от всех в самом внутреннем движении души моей. С кем поделиться моим самым блаженным, самым близким ко мне наслаждением? Ты поймешь, отчего в мои прекрасные минуты — весь этот прекрасный народ мне в тягость. Впрочем, я самый болезненный из всех их, человек болезненный и слабый, совершенно духовно малолетний, не способный принять какую бы то ни было действительность; призрак и в моей общественной и духовной жизни. Я в эти дни много думал о действительности и нормальности, о том, почему Станкевич завидует всякому нормальному человеку,⁵ — в этой зависти лежит глубокое и истинное основание. Я совершенно понимаю его и если не завидую нормальности ограниченных людей, зато от всей души презираю свое Икарово стремление и совершенно чувствую, как верно и справедливо решение судьбы в последнем, известном тебе случае. Нет, для таких созданий нужна не прекрасная душа, не человек с элементами, а полнота и сила.⁶ Друг мой, друг мой! Как ошибся ты во мне. Твоя любовь ко мне многое от тебя скрывала.

И однако ж, я чувствую, что жизнь для меня есть блаженство, что душа моя доступна ко всему мировому и абсолютному, что я свободно погружаюсь в волны бытия и с упоением плаваю в них. Но это только минутами. Да не в минутах ли состоит вся жизнь человека! Усвоить, бесконечно продлить эти минуты, сделать целую жизнь одною такою минутою, — вот чего хочу я, вот где моя действительность. А бывают минуты, когда я чувствую в себе силу и возможность достигнуть ее. Но это одни порывы. Прощай!

Чрез несколько дней еду в Нижний. Если будешь писать ко мне, адресуй письма в Москву, мне отсюда перешлют в Нижний. Пришли с Лангером мою книжку стихотворений Гете.

Несколько времени я сомневался, посылать ли песни Офелии. Они будут слишком растрогивать, особенно А<лександр> А<лександровну>.

Перья, которые посылал я с книгами, следуют Павлу Александровичу.⁷ Вчера был у меня Мочалов.⁸ Что это за чудный человек. Я в тысячу раз больше полюбил его.

Твой Василий.

---

³ Отец, я зову тебя (нем.).

Письмо датируется по явным признакам, что оно написано из Москвы, по намекам на недавнее пребывание в Прямухине у Бакуниных, по общению о скором отъезде в Нижний Новгород. Боткин мог быть в Москве между поездками в Прямухину и Нижний Новгород дважды: в 1838 и 1839 гг., но письма 1839 г. по возвращении из Прямухины имеют совсем другую интонацию, в них заметна относительная уверенность в браке с А. А. Бакуниной. Так как в 1838 г. Боткин прибыл в Нижний Новгород до 2 августа (см.: Егоров, с. 22), то письмо датируется концом июля.

¹ 22 января 1837 г. в Москве состоялась премьера «Гамлета» в переводе Н. А. Полевого и с П. С. Мочаловым в главной роли; с громадным успехом спектакль шел в течение нескольких лет (см. знаменитую статью Белинского 1838 г. «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета»). Постановка драмы носила ярко выраженный романтический характер: «...умная и даровитая Орлова из тихой, скромной Офелии делала какую-то бурную мелодраматическую героиню <...> Варламов написал такую несообразную с характером Офелии музыку к ее песням» (Родиславский В. И. Московские театры доброго старого времени. — Ежегодник имп. театров, сезон 1900/01 г. Приложение 2, с. 15; см. также: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 268—281, 290—293). Загадочной является немецкая фраза применительно к сцене Офелии: ведь П. И. Орлова пела песни по-русски! Или Боткин приравнивался к какому-то немецкому переводу «Гамлета», бывшему в руках Бакуниных, или же он достал в Москве ноты с немецким переводом.

² Татьяна Александровна (1815—1871) — сестра М. А. Бакунина.

³ Лангер Леопольд Федорович (1802—1885) — композитор, член кружка Бакунина—Белинского. Лангер как музыкант оказал большое влияние на Боткина.

⁴ Ср. в письме Белинского от 21 сентября 1837 г.: «Василий (Боткин, — Б. Е.) походил в этот вечер на Пифию на треножнике и был на небе от одного адажио, лучшего, как говорит он, какое только написал Бетховен» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. XI. М., 1956, с. 182).

⁵ В известных письмах Н. В. Станкевича из-за границы подобная мысль не обнаружена; скорее всего Боткин неточен. Станкевич не столько «завидовал» нормальности, естественности, сколько сам стремился построить свою жизнь на естественных, свободных началах.

⁶ Возможно, Боткин намекает на какое-то разочарование Бакунина и его сестер в авторе письма из-за отсутствия у него философской глубины, по его словам — «полноты и силы».

⁷ Павел Александрович (1820—1900) — младший брат М. А. Бакунина.

⁸ Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — знаменитый трагик.

2

⟨Москва⟩. 21 сентяб⟨ря⟩ 1838.

От сей страны гром,
От той страны гром!
Смутно в воздухе,
Ужасно в ухе!¹

В самом деле, смутно в воздухе нашем, Миша, это брожение, из которого должно выработаться что-нибудь лучшее и действительнейшее. Ты получил мое письмо, — и оно, верно, произвело на тебя неприятное впечатление. Так должно быть, я его писал к тебе с встревоженным сердцем.

А я потерял одного своего короткого приятеля — Жукова,² он умер. Жаль. Это был человек с душою глубокою, энергическою, характером сильным. С огромными требованиями на счастье, любовь, он не знал ни того ни другого, и умер, измученный непрерывными стремлениями и порываниями. Презируя наконец все свои стремления, он хотел их утолить в разумном браке, женился на гадкой девушке 30 лет, будучи сам 24, — женился, как он говорил, для спокойствия и «авось либо пройдет томительная хандра моя»; спокойствие далеко отлетело, жена наконец опротивела, хандра усилилась; зимою целый месяц провел я с ним в Харькове. Страшно было заглянуть в душу этого человека, так там все было разорвано. Я читал ему Евангелие Иоанна. На него оно сильно подействовало. Его остервенение на жизнь, его сарказмы на религию, историческое развитие и проч. смягчились; так я расстался с ним. Самые эти сарказмы показывали, как глубоко были в нем интересы эти.³ Через неделю сделался он болен, открылась чахотка, и его уже нет. Нет благородного, аристократической натуры человека! Я с ним прежде часто и много переписывался, — письма его целы, они замечательны по глубокой оригинальности и саркастическому колориту. Он умер 27 лет.

Иван Петрович⁴ расцветает день ото дня. Уверенность в своем призвании со дня на день проникает его. Он написал несколько превосходных стихотворений. Виссарпон теперь сидит весь в переписке с тобой, в которой. . . но

Лишь безумец зажигает
Там свечу, где Феб спяет,⁵ —

ты до всего сам своим умом дойдешь.

Последняя фраза письма опублкована, см.: Березина, с. 69—70.

¹ Неточная цитата из стихотворения В. К. Треднаковского «Описание грозы, бывшая в Гаге» (1726).

² Жуков — в Москве известно несколько купеческих семей Жуковых, но кого Боткин имеет в виду конкретно, обнаружить не удалось.

³ Боткин, очевидно, намекает на глубокий интерес Жукова к современным социально-политическим («историческое развитие») и религиозным вопросам.

⁴ Имеется в виду Иван Петрович Ключников (1811—1895) — поэт, член кружка Станкевича, друг Белинского.

⁵ Источник цитаты не обнаружен.

3

Москва. 15 октября 1838.

Несколько недель назад я получил от тебя письмо, любезный Миша, проникнутое беспокойным состоянием твоего духа. Твое уверение меня в достоинстве мысли и какое-то сомнение в моей

любви к тебе были для меня достаточными доказательствами этого тревожного состояния твоего духа, произведенного, как я полагал, письмом Белинского.¹ Долгий промежуток был после этого письма — и я, сказать тебе правду, совсем отчаялся получать от тебя письма надолго. Наконец вчера дождался. «Миша, Миша! он все тот же, каков был в нашу великую переписку!» — сказал я, прочитав письмо твое. Да, Миша, тот же мелкий взгляд на близких к нему людей (право, смешно бы нам теперь называть себя друзьями!), та же ребяческая опрометчивость в сношениях с ними.

Не сердись, Мишель, и не гляди презрительно спю минуту на пишущего тебе эти строки; да, я признаю в тебе мелкий взгляд на близких к тебе людей и ребяческую опрометчивость в сношениях с ними. Эти дурные стороны, от которых всего больше терпели отношения с большею частью твоих знакомых, ты много раз давал видеть в своих поступках. Я не думаю этим сказать, чтоб ты не признавал в то же время в приятелях своих хороших качеств, — напротив, признавая в них прекрасную субстанцию и глубину души, ты в то же время презрительно трактовал их, почти вовсе не дорожил, или весьма мало, дружескими с ними сношениями. Фактов я приводить не хочу, потому что уверен, что говорю правду, которая и без фактов ясна. Не знаю, происходило ли это от недостатка истинной дружбы между нами или просто от твоего несформировавшегося характера, — не знаю; впрочем, полагаю, тут виноват последний. И вот причина, почему у тебя ни с кем нисколько не могли утвердиться дружеские отношения. Вот, например, ты мне предлагаешь вопрос: люблю ли я тебя или ненавижу?! и хочешь, чтоб я решительно и немедленно отвечал тебе. Какой ребяческий вопрос!! Люблю ли я тебя или ненавижу? Ведь это наконец смешно и достолюбезно! Я прошу тебя: пойми всю смешную форму этого вопроса. «Полно нам наконец прятаться в кустах», — пишешь ты далее в своем последнем письме. Да, Миша, полно, давно полно, и чем бы дорогу указывать другим, тебе бы надобно выдти из кустов первому. Что я тебя не ненавижу — это видит бог. Я скажу тебе одно: ни с кем из близких ко мне не желал я так дружбы, как с тобою, и *никого* из близких ко мне так не любил я, как тебя. Этому поверь, Миша, и я говорю это тебе, положи руку на сердце. Но ты меня от себя оттолкнул, и моя душа оскорблена тобою. Даже теперь, когда я с взволнованным сердцем пишу к тебе, в сию минуту я чувствую, что ты мне дорог и близок к сердцу, я чувствую, что могу с страстною нежностью обнять, целовать тебя, как любовница, и в то же самое время всего изъязвить тебя, убить. И я знаю, что причина такой странной неровности, раздвоенности моего чувства лежит не во мне, а в тебе, — нет, теперь я не припишу это моему болезненному характеру.

Впрочем, мне давно хочется высказать мои отношения к тебе. Не знаю, как ты понимаешь свои отношения ко мне. Моя связь

с тобой основана на духе, на том таинственном, святом основании, которое я могу только предощущать в мои светлые минуты. Узы, которыми я привязан к тебе, не могут разорваться никогда, несмотря на то даже, если б я совершенно расстался с тобой и если б нас совсем разделили наши болезненные индивидуальности. Я, Миша, понял и осознал в себе то, что составляет святую сущность твоей жизни, вне всех твоих наростов и дурных субъективностей. И я люблю тебя в этой таинственной сущности твоего бытия, и с нею, с этою святою сущностью, составляющей твое истинное Я, навсегда я чувствую себя соединенным, и этого соединения не может расторгнуть ничто, ничто в свете.

Не говорю уже о том, что с тобою слито мое перерождение, что через тебя *первого* узнал я те идеи, от которых спала повязка с моих глаз и я вошел в свободную сферу бытия, где в первый раз свободно и легко вздохнул мой дух, утомленный скитаниями по темным излучинам рассудка и всяческим сомнениями. Вот чем ты вошел в мою жизнь. Не упоминаю о тех минутах, в которые мы вполне принимали в себя друг друга, когда моему погружению в тебя не было ни конца, ни предела, и чем глубже погружался я в тебя, тем величественнее и роскошнее открывалась мне организация твоего духа. То были, Миша, прекрасные минуты.

Вот сущность моих отношений к тебе. В них нет ни лжи, ни двуличия, ни призрачности. Но далеко, далеко отбросили нас друг от друга наши субъективности, наши обоюдные паросты, наше мелочное самолюбие и самоослабление.² Я знаю, чувство этого отдаления заставило тебя сомневаться в моей любви к тебе и это же самое чувство заставляет теперь меня сказать о моих к тебе отношениях. Да, Миша, мы далеко отброшены один от другого, и только *разумный опыт* жизни может соединить нас конкретно. Но, повторю опять, в этом главную роль играют твое невыносимое самолюбие, мелкий взгляд на близких к тебе людей и ребяческая опрометчивость. Ты до сих пор не любил *примирять*, а только мастер был разрывать.

Впрочем, пища это, я боюсь, что ты все это перетолкуешь в другую сторону (что с тобою и случалось) и дашь мыслям моим значение, какого я вовсе не думал давать им, и потому, пища это письмо с совершенно открытым сердцем, избегая всяких фраз и желая высказать яснее мои к тебе отношения, я прошу тебя понимать слова мои в их прямом и честном смысле, не предполагая никакой задней мысли, скрытности или трансцендентальности. Люблю ли я тебя? Но ведь это такой вопрос, на который ты можешь за меня отвечать себе, потому что хоть это, надеюсь, ты видел во мне. Впрочем, судя по твоим ребяческим со мною поступкам, я имею основательные причины думать, что ты меня вовсе не знаешь; но это в сторону. Я надеюсь, ты знаешь хоть то, что я глубоко оскорблен тобою. Это оскорбление явно показало твое ко мне чувство и степень уважения. Забыть этого оскорбле-

ния не могу, потому что оно пало на самую сокровенную и святую глубину моего чувства. Да и не хочу больше говорить об этом.

Напрасно ты боялся, что я начну с тобою полемическую переписку. Я вообще не люблю такого рода переписок, тем менее таких, о предмете которых я не имею никакого права писать. Это правда, что я во многом был согласен с Вкиссароном, но я согласился не вследствие его писем, — нет, мысли об этом бродили у меня уже в Прямухине и наконец более развились перед отъездом моим в Нижний.³ Относительно писем Белинского я поставил себя в стороне и не хотел мешаться, я только получал их от него для отсылки к тебе и тут уже прочитывал их. Во многом бывал с ним несогласен, но говорил ему уже отославши письмо; на многое, впрочем, и сам наводил его невольно, разговаривая об этом предмете. Ты согласишься сам, что Татьяна Александровна и Александра Александровна, и особенно последняя, были во время моего пребывания в Прямухине в таком болезненно-фантастическом состоянии, что была причина бояться за них, и наконец я начал высказывать свои опасения Вкиссарону. Не скрою от тебя, что я *первый* начал говорить об опасениях, и Вкиссарона это сначала поразило. Прав ли я или нет, решит время, мои же мнения об этом оставляю при себе.

Многому в этой переписке повредила субъективность Виссарона. Но, Миша, *такая* субъективность прощительна, она обрызгана кровью собственного сердца и многое уже заранее искупила страданием. Вспомни, какую ты роль играл перед ним так долго относительно его страсти,⁴ и пойми то остервененное ожесточение, какое вольно и невольно вырывалось в письмах его. Но один раз навсегда, Миша, как бы мы ни называли наши отношения, как бы ни характеризовали их, — наш союз свят, и что мы любим друг друга — это для меня верно, как то, что я живу. Что вследствие наших обоюдных *прекрасных* качеств, и особенно тех, о которых я говорю тебе в начале письма этого, мы можем ссориться, быть разделены во многом, даже наконец просто не желать видеться или видеться как можно реже, — но любить друг друга не перестанем, и если у нас не будет любви на языке, она таинственно и тихо будет гореть в душах наших. Что связано на небеси, то не может быть развязано на земле.

Прощай, брат.

В. Боткин.

В самом деле прощай, уже три часа ночи. Я же нынче был в театре.

Отрывки из письма с ошибками были напечатаны: Корнилов, с. 515—517; Березина, с. 70—71.

¹ Имеется в виду письмо Белинского к Бакунину от 10 сентября 1838 г.

² «Самоослабление» — термин из жаргона кружка Бакунина, означающий «прекраснодушие». См. примечание М. А. Бакунина в «Предисловии переводчика» к «Гимназическим речам Гегеля» (опубликовано: Московский наблюдатель, 1838, ч. XVI): «Результатом системы Якоби было то, что Гегель называет *прекраснодушием* (Schönseeligkeit) и что бы можно также назвать *самоослаблением*. Это прекрасная, но бедная, бессильная душа, погруженная в созерцание своих прекрасных и вместе бесплодных качеств и говорящая фразы не потому, чтоб она хотела говорить фразы, а потому, что живое слово есть выражение живой действительности, и выражение пустоты необходимо должно быть также пусто и мертво» (Бакунин, II, 171).

³ В Прямухине Боткин находился в первой половине июля, в Нижнем Новгороде — в первой половине августа, по крайней мере до 17-го числа (см.: Егоров, с. 22).

⁴ Имеется в виду безответная любовь Белинского к А. А. Бакуниной.

4

...ваю целые года. Но эти минуты изнуряют меня и усиливают боль в груди, которая с некоторого времени меня беспокоит. В Sing-Academie¹ пели превосходный Requiem Херубини.² До груди ли тут! Словом, я теперь живу весь в музыкальной сфере.

Письма на имя m-me Langer³ я тотчас же по получении отдал ей.

Adagio и Final сонаты Лангера почти готовы, он говорит, нужно только расставить знаки и пересмотреть. Он скоро их пришлет. Лангер занимается музыкой гораздо больше прежнего.

«Философию религии»⁴ нынче посылаю тебе с тяжелой почтой.

С сожалением извещаю тебя, что статья о Папах, которую я перевел, не пропущена цензурой.⁵

И с радостью, что «Крейслериана» Гофмана печатается в 10<-м> №;⁶ надеюсь, что переводом будешь ты доволен, тем более что я хотел его посвятить Прямухину, — и теперь от всей души кладу его у подножия Прямухина в воспоминание всех блаженных минут и дней, проведенных мной под его прекрасною сению.

Давно хотел я послать тебе эти стихи Ивана Петровича.⁷ Эти одни стихи показывают, что за глубокая художественная душа у этого человека и какой поэтический талант! Будь здоров, весел и не забывай твоего Василия.

1 ноября 1838.

Жду ответа от тебя.

Начало письма не сохранилось. Одна фраза из письма опубликована, см.: Березина, с. 71; одна, с ошибкой: Егоров, с. 78.

¹ Sing-Academie — частное филармоническое общество в Москве, основанное в 1835 г.; Боткин рецензировал в «Московском наблюдателе» один из концертов этого общества (1838, ч. XVI, март, кн. 2). В папке писем Боткина к Бакунину сохранилась недатированная записка: «Посылаю два билета для „Дон Жуана“. Он дается там, где дает свои вечера

Sing-Academie, т. е. на Большой Дмитровке. Начало в 8 часов» (ф. 16, оп. 9, № 23, л. 56). Очевидно, концерты были в Благородном собрании (ныне Дом Союзов).

² Херубини (или Керубини) Луиджи (1760—1842) — итальянский композитор.

³ Вероятно, жена Л. Ф. Лангера.

⁴ Имеются в виду «Лекции по философии религии» Гегеля (1821—1831), впервые опубликованные в 1832 г. в посмертном «Собрании сочинений» философа (т. 11, 12); до 1838 г. это было единственное печатное издание. Недавно этот труд впервые опубликован на русском языке: Гегель Г. В. Ф. Философия религии в 2-х т. М., 1975—1977.

⁵ Статью о папах обнаружить не удалось. Возможно, Боткин перевел, в связи со своим интересом к лютеранству (см. письмо 5), статью Э. Лерминье «Папство после Лютера», совсем незадолго до этого опубликованную в парижском журнале, см.: Lermnier E. La Papauté depuis de Luther. — Revue des deux Mondes, 1838, 1 avril.

⁶ Боткинский перевод «Крейслерианы» Гофмана опубликован в журнале «Московский наблюдатель» (1838, ч. XVIII, июль, кн. 2, с. 144—189). Этот номер вышел в свет лишь во второй половине ноября. Боткин, очевидно, вел нумерацию от момента перехода журнала в руки кружка Белинского—Бакунина (с 1-й мартовской книги): журнал выходил два раза в месяц, так что 2-я книга за июль как раз и была десятой по счету.

⁷ При письме стихотворения И. П. Ключникова отсутствуют.

5

Москва. 9 декабря 1838.

Хотел было писать к тебе большое письмо, но чувствую, что твои ответы на письма мои решительно отбили у меня охоту писать к тебе. Что же делать, Мишель, ты знаешь, что дружеский зов хочет дружного отзыва, а я на мой зов получал от тебя всегда самый резкий и сухой диссонанс, который язвил мне душу. Хочу тебе сказать только несколько слов. Кажется, что Виссарион хочет с тобой расстаться, и причину этого ты и твои страные поступки. Надобно покориться действительности и оставить все времени.

Что касается до меня, то сколько я ни вникал в мои с тобой отношения и, несмотря на многого, чувствую, что меня соединяет с тобой какое-то глубокое внутреннее понимание, я не умею этого определить, но чувствую это живо, и вместе чувствую живую потребность видеть тебя, говорить с тобой. О большей части интересов,^a которыми существую я, я мог и могу говорить только с тобой! И потому, Мишель, приезжай в Москву, остановись у меня, не для объяснений и критического разбора поступков, бог с ними, с этими старыми грехами, а так поговорим, вместе погрустим, порадуемся. Прощай, и пожалуйста, считая меня дилетантом, считай вместе и человеком, и не изрекай презрения на

^a В оригинале «интересах».

меня. Во-первых, это грех, а во-вторых, это презрение в настоящей твоей действительности к тебе совсем нейдет. Ведь я не хочу быть ни ученым, ни литератором, — если можешь меня любить таким, каков я есть, так люби, не можешь — так и быть. Брось гадкое цензорство, что касается до меня, я его никогда не терпел. Уведомь меня, когда ты будешь в Москву. Я был болен, теперь лучше. Очень у меня слаба грудь и болит.

Василий».

Пришли мне непременно Memoires de Luther.⁶ Мне нужно.¹

Несколько фраз из письма опубликованы с неточностями: Березина, с. 71.

¹ Книга под этим названием, вышедшая на французском языке (Париж, 1835), представляет собой своеобразную хрестоматию автобиографических высказываний Лютера, взятых из его трудов и из материалов его современников. Книга составлена известным историком и публицистом Жюлем Мишле.

6

Москва. 29 декабря 1838.

Что это ты вдруг замолк, любезный Мишель? Я получил твое письмо, за которое очень, очень благодарю тебя. Право, я в самом деле вижу, что ты стал о многом думать вернее и основательнее, и теперь мне ясно как день, что главною помехою в дружбе нашей были твои отвлеченные понятия о многом. Я жду свидания с тобой как праздника, — право, хочется отвести душу.

С одним только Ив<аном> Петр<овичем>¹ могу я говорить свободно или, лучше сказать, свободнее, нежели со всеми другими; но ты ведь знаешь его бесконечную оригинальность и субъективность. Можно сказать, что Ив<ан> Петр<ович> к душе моей ближе всех. Странно то, что мы не выговаривали друг другу любви нашей, а сходились понемножку, и как будто удивились, увидев, что мы друг друга глубоко понимаем. Ты теперь едва ли узнаешь его: так он переменялся. Нет уже прежних скептических неисчерпаемых фантазий, этой часто горькой эпитаграм<мы> на бога и человечество, все это разрешилось в глубокое, просветленное религиозное чувство, от него веет мне благоуханием вечной жизни, чем-то таинственно-святым. Он поэт примирения. И вот почему Вис<сарион> как-то неясно понимает его стихи. Ты не можешь себе представить, как меня трогает любовь ко мне Ив<ана> Петр<овича>! Я не могу тебе передать, сколько нежности, сколько девической стыдливости в ней! Право, Мишель, любовь таких людей поневоле заставляет меня подозревать, что

⁶ Мемуары Лютера (франц.).

я и в самом деле порядочный человек. В последнее время Ив<ан> П<етрович> написал несколько превосходных стихотворений, некоторые думал было к тебе послать, да тебя это, кажется, вовсе не интересует.

Каково-то поживаешь ты? Я знаю, Мишель, в последнее время тебе было не очень весело, по причине странного тона переписки нашей и писем Вис<сариона>. Ты, мне кажется, весьма ошибаешься, думая, что ты в Вис<сарионе> много потерял. Конечно, тут есть потеря, но потеря небольшая, потому что ты с Вис<сарионом> никогда не был и не мог быть другом. Того, что составляет сущность, таинственную, невыговариваемую сущность твоего духа, — он никогда не понимал. В моих с ним отношениях действительность и истина берут свое, и взаимные отношения наши принимают постепенно определение истины. Можно любить и уважать человека, но быть другом — это другое дело.

Ах, я тебя еще не извещал, что кельнское событие, о котором мы уже много говорили, имело важные следствия.² Великая польза его была та, что оно показало учение Гегеля во всей его мировой законности и лучезарном свете, оно дало повод ввести его в полемику и, следственно, популярно изложить его идеи о религии, государстве и взаимных отношениях их. Но всего важнее то, что эта полемика обнаружила людей, которые выдавали себя за гегелистов — и несколько ими не были. Ожесточение довело этих людей до глупости. И кто бы поверил, что между ними играет главную роль ученый, глубокомысленный Лео!³ Оказалось, что Лео — мистик! Впрочем, это видно из его истории. Да, он не постыдился написать брошюрку, в которой обвиняет последователей Гегеля — в чем бы ты думал? — в революционизме, безбожии, отвержении Христа и бессмертия души! Да! — более — ругается самыми скверными словами, просто донос. Между прочими отвечал ему Марбах.⁴ Какой ответ! Я читал его — и эти минуты счастливейшие в жизни моей. У меня он есть, ты прочтешь его — и только тут узнаешь, что такое Марбах.

Прощай, любезный Мишель, — верь моим чувствам к тебе и верь еще тому, что тебя ждет сердце человека, который, несмотря на множество своих дурных сторон, умеет понимать все твое прекрасное и любить тебя. Право, ты не можешь себе представить, как мне хочется видеть тебя, говорить с тобой. Здоровье мое довольно плохо. Если все будет так, то я в Харьков не поеду, и ты пораньше приезжай тогда. Я тебе напишу.

Твой Василий.

Шаллер⁵ написал против штраусовой книги⁶ брошюрку «Der historische Christus».^a Превосходная вещь. А наши юные профессора насчет Гегеля подгуляли!⁷

^a «Исторический Христос» (нем.).

Два отрывка из письма неточно опубликованы, см.: Корнилов, с. 517—518; два других отрывка, о полемике в Германии, опубликованы: Егоров, с. 30.

¹ Речь идет о поэте Ключникове (см. письмо 2, примеч. 4).

² Речь идет о следующем: протестантское прусское правительство сильно притесняло своего противника, кельнского католического архиепископа Клементия-Августа (барона фон Дросте цу Фишеринг), вплоть до заключения его в 1837 г. в крепость. В защиту католицизма выступил мюнхенский профессор Й. Гёррес (Görres J. Athanasius. Regensburg, 1837), в свою очередь подвергшийся нападкам реакционного протестантского деятеля, историка и публициста Генриха Лео (Leo H. Sendschreiben an Görres. Halle, 1838) («Послание к Гёрресу»). Тогда прозвучал голос представителя левых гегельянцев: Арнольд Руге в организованной им еженедельной газете «Галлеские летописи» обрушился и на Гёрреса, и на Лео как на мракобесов и врагов рационализма (Ruge A. Sendschreiben an J. Görres von Heinrich Leo. — Hallische Jahrbücher, 1838, № 147—151, 20—25 June, Sp. 1169—1204). В ответ Лео написал брошюру «Hegelingen» (Halle, 1838), настоящий донос на «младогегельянскую банду», якобы призывающую к революции и атеизму. А. Руге в статье, опубликованной в своей газете (Ruge A. Die Denunciation der Hallischen Jahrbücher. — Hallische Jahrbücher, 1838, № 179, 180, 27—28 Jule, S. 1425—1440) («Донос на „Галлеские летописи“»), и Г.-О. Марбах в брошюрах «Aufruf an das protestantischen Deutschland wider unprotestantische Umtriebe und Wahrung der Geistesfreiheit gegen Dr. Heinrich Leo's Verketzerungen» (Art. 1, 2. Leipzig, 1838, 1839) («Призыв к протестантской Германии против непротестантских интриг и утверждение духовной свободы против обвинений в еретичестве со стороны д-ра Генриха Лео») отвечали Лео с позиций либерально-демократического свободомыслия, используя относительно радикальные выводы из гегелевского учения.

³ Лео Генрих, фон (1799—1878) — консервативный немецкий историк и публицист; в кругу Бакунина была известна самая солидная историческая работа Лео «История итальянских государств» (1829—1834).

⁴ Марбах Освальд-Готгард (1810—1890) — немецкий писатель, гегельянец. Боткин, видимо, успел пока прочитать лишь первую брошюру Марбаха против Лео (см. примеч. 2). Ср. в письме Боткина к Н. В. Станкевичу от 13 декабря 1838 г.: «Из всего, вызванного клеветами Лео, я читал только брошюрку Марбаха „Aufruf an das protestantischen Deutschland etc.“. Превосходная вещь, хотя тут еще только вступление. Что за народ эти молодые гегелисты! — а Лео просто сошел с ума» (Егоров, с. 31, частично опубликовано: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 120) Следует отметить, что брошюра Марбаха является большой библиографической редкостью, ее, по-видимому, не знает автор фундаментальной книги — О. Корню (Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е, дополн. Т. I. 1818—1844. М., 1976, с. 232—234), где обстоятельно излагается полемика вокруг книги Лео.

⁵ Шаллер Юлиан (1810—1868) — немецкий писатель и публицист, умеренный гегельянец. Полное название его брошюры — «Der historische Christus und die Philosophie. Kritik der Grundidee des Werkes „Das Leben Jesu“ von Dr. D. F. Strauss» (Leipzig, 1838) («Исторический Христос и философия. Критика основной идеи труда д-ра Д. Ф. Штраусса „Жизнь Иисуса“»).

⁶ Боткин, видимо, внимательно изучал книги Штраусса. В данном случае речь идет о знаменитой его книге «Жизнь Иисуса» (первое издание — Тюбинген, 1835); впоследствии Боткин изучил еще один труд Штраусса — «Ueber Vergängliches und Bleibendes im Christenthum» (Altona, 1839) («О преходящем и остающемся в христианстве»).

⁷ Смысл фразы неясен. Могут подразумеваться или москвичи, обучающиеся за рубежом, — Станкевич и Грановский (но, судя по письмам

последних, они не давали повода к такой прощ), или относительно юные профессора, находившиеся в Москве, — М. П. Погодин и С. П. Шевырев, но по тогдашним меркам их возраст, за тридцать лет, уже был далек от юности.

7

Москва. 3 января 1839.

Поздравляю тебя с новым годом, любезный Мишель. Никогда еще я повый год не встречал с таким тихим, религиозным чувством, как теперь. Прошедший год был для меня важнее всех годов моей жизни по многим отношениям, тем более я должен был обратить внимание на него, я собрал в себе все мимолетные и важные явления его, думал о них, думал о себе, результатом всего этого была благодарность богу за все, что он дал мне, доверенность к будущему и убеждение, что я стою выше всякого несчастья. Я думал тоже о тебе и снова повторяю тебе, что у меня с тобой, вне всех дразг, существуют святые отношения и что в душе моей я ближе к тебе был и есмь — нежели к кому бы то ни было. Прошу тебя, поздравь от меня Александра Михайловича¹ с новым годом.

Сегодня я еду в Харьков² несмотря на свое плохое здоровье. Папинька отговаривал меня, но у меня в основании лежит одно непреодолимое желание — быть одному, во что бы то ни стало быть одному. Ты не можешь себе представить, как надоели мне все эти сплетни, толки, все эти самолюбия; хоть один месяц успокоиться и собраться в себе; а я, право, потерял себя в этом бестолковом хаосе слов без содержания и мыслей без смысла. Ich sehne mich dich zu sehen.^a

Приезжай, тебя с уважением и любовью встретят Ив<ан> Петр<ович> и Катков.³ Здесь дела приняли другой вид. Я выговорил Вис<сариону> мое мнение о его мнимом журнальном призвании и доказал ему, что он журналистом быть не может решительно,⁴ и многое, многое я выговорил ему, опираясь на факты, на его же метод. Ну да об этом писать долго, лучше переговорим. Он на меня сердится. Я ему проповедую смирение и советую, чем судить и осуждать других, обратить поболее внимания на самого себя и проч.

Будут ли тебе нужны деньги для приезда в Москву? Напиши мне об этом в Харьков, адрес: В. П. Б<откину> в доме купчихи Горяиновой.⁵ Я возвращусь в Москву 3 февраля. Смотри же, останись у меня. Прощай.

Твой Василий Б<откин>.

Напиши мне, Мишель, в Харьков.

---

^a Я жажду тебя увидеть (нем.).

Отрывок из письма воспроизведен с ошибками: Корнилов, с. 518; одна фраза опубликована: Березина, с. 72.

¹ Александр Михайлович Бакунин (1768—1854) — отец М. А. Бакунина.

² В Харьков, как и в Нижний Новгород, Боткин ездил по делам чаотарговой фирмы своего отца.

³ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — литературный критик, член кружка Станкевича; сотрудник Белинского по «Московскому наблюдателю» в 1838—1839 гг.; в 1860—1880-х годах — известный реакционный деятель.

⁴ Боткин имел в виду чрезвычайную непрактичность Белинского, что привело к краху издание журнала «Московский наблюдатель»; впоследствии Боткин сам будет повторять неоднократно мысль о том, что Белинский как бы рожден для деятельности журналиста.

⁵ Эта фраза дает возможность датировать письмо М. А. Бакунина к сестрам и брату Беер январем 1839 г.; оно было приурочено Ю. М. Стекловым к середине октября 1838 г. В том письме Бакунин сообщал, обращаясь к Константину Бееру: «Боткин в Харькове, и потому распечатай мое письмо к нему, запечатай его в другой пакет и, написав на нем следующий адрес: „М. г. Вас. Петр. Боткину, в Харькове, в доме купчихи Горяиновой“, пошли его по адресу» (Бакунин, II, 215—216). Горяинова Софья Петровна — не только «купчиха», но и весьма образованная женщина, переводчица с итальянского. Драматическая история ее жизни описана в кн.: Карпов В. П. Харьковская старина. Из воспоминаний старожила (1830—1860 гг.). Харьков, 1900, с. 42—50 (переиздание: М.—Л., «Academia», 1933). С. П. Горяинова владела большой усадьбой в центре Харькова, давшей название Горяиновскому переулку, проходившему через ее участок (нынешнее название переуллка — ул. Г. Ф. Квитки-Основьяненко — указано М. Г. Зельдовичем).

8

Спасибо за письма твои, любезный мой Миша. Но прости, если теперешний ответ мой далеко не будет соответствовать содержанию их. Я получил их вчера, и вчера же я по делам моим здесь получил такие неприятности, такие неожиданные тяжелые неприятности, что я еще не могу выбиться из-под томительной тягости их. На меня эти деловые неприятности, чисто рассудочные, имеют самое невыносимое влияние. Не знаешь, куда деться в их безвыходной сухой сфере, перед тобой непременно две крайности, — сжато, мертво, одолевает невыразимая досада, — убийственно, тяжело! Во всякой печали, если в ней отражается луч духа: пусть это будет потеря жены, сына, сестры, отца, матери, — есть какое-то таинственное услаждение, есть другой мир, куда переносит эта печаль, где спадает с нее вся тяжесть земного и она просветляется. Деловые, рассудочно-житейские, торговые отрицания, напротив, еще больше втягивают в самую земную юдоль земной жизни, и потому ли или по какой другой причине моего организма они невыносимы для меня. Насилу я сосредоточил эту неприятность в мысли, тогда мне стало легче.

Ты поймешь, что в таком состоянии я не могу тебе писать.

Относительно 1500 р., которые нужны Александру Михайловичу, я теперь не могу сказать решительно. Ты, конечно, пове-ришь, какая мне радость будет, если я буду хоть сколько-нибудь полезен этому прекрасному, от всей моей души уважаемому старцу. На этот раз я могу тебе сказать только, что у меня более надежды на исполнение, нежели безнадежности, — вероятность исполнения как 7 к 10. Наверно я могу сказать тебе по приезде моем в Москву, куда я не могу быть ближе 5 или 6 февраля.

Посылаю тебе при сем а<с>сигнациями> 75 рублий.

В.Боткин.

Харьков, 25 января 1839.

Одна фраза из письма опубликована, см.: Березина, с. 83.

9

Москва. 6 апреля 1839.

Книжка о Потемкине¹ так понравилась мне, это такое живое изложение, что мне показалось, что она может принести удовольствие Александру Михайловичу, и вследствие сего я рассудил в премудрости глубокой послать ее к тебе, что при сем и исполняю.

Больше и больше я дружусь с Гото.² Какая книга и какой человек! Книга Гото необходима для каждого из нас. Ни одна книга (разумеется, кроме «Эстетики»³) не даст такого глубокого, святого понятия об искусстве, и, что главное, книга Гото учит смотреть на искусство. Нельзя ничего вообразить лучше его изложения истории живописи и взгляда на Нидерланд<скую> школу. Это краткость и глубина мысли, напитанные религиозным и философским содержанием.

Наконец и дождался я «Дон Жуана».⁴ Никогда еще с таким трепетом, с таким внутренним стремлением не готовился я к принятию в себя художественного создания. С Гото изучил я оперу, беспрестанно переходя от Гото к опере, от оперы к Гото. Впрочем, я не совсем доволен разбором Гото, хотя кроме самого Д<он> Ж<уана> у него опера изложена превосходно. Ах, это было мученье! Италианцы ревели и фальшивили ужасно, но финал 2-го акта заставил меня забыть все, и то, что так названный оркестр состоял из двойного квартета и фортопьян. Трепет объял меня при приближении Командора, дрожь пробежала по мне, когда раздались протяжные, торжественные звуки могильного пришельца. Ни гнева, ни скорби, никакой страсти земной нет в этом небесном призыве, это кроткая важность почивших вечным сном, отрешившихся от всего земного. Я так еще полон этим

созданием, что ничего не могу выговорить, кроме восклицаний. Вебер⁵ не возносился до такого созерцания небесного и земного — и «Фрейшиц» и «Д<он> Жуан» нейдут в сравнение. Только это могу я сказать тебе.

Прощай. Твой Василий».

Что Бет<т>ина,⁶ что Бет<т>ина, что Бет<т>ина???????????

¹ В Европе и в России к 1839 г. вышло немало книг о знаменитом екатерининском вельможе Г. А. Потемкине; какую именно имел в виду Боткин, трудно сказать.

² Гото Генрих-Густав (1802—1873) — немецкий историк и теоретик искусства, гегельянец, издатель гегелевской «Эстетики». Ср. в письме Станкевича к Боткину из Берлина от 6 февраля (25 января) 1839 г.: «Эстетика особенно хороша — и хорошо издана. Гото с полным самоотвержением посвятил много времени на ее обработку, не имея в виду ни денег (никто из издателей Гегеля ничего не берет себе), ни славы — и сделал из нее художественное произведение. Его книгу „Vorstudien für Leben und Kunst“ «Введение в изучение жизни и искусства» я, пожалуй, пришлю тебе» (Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 492—493). Эту книгу, вышедшую в 1835 г., и имеет в виду Боткин в комментируемом письме. Значительная часть книги Гото посвящена анализу оперы Моцарта «Дон-Жуан».

³ Речь идет об «Эстетике» Гегеля (ср. письмо 19, примеч. 5).

⁴ Вероятно, петербургская итальянская труппа приезжала в Москву для концертного исполнения «Дон-Жуана» в зале Благородного собрания.

⁵ Вебер Карл-Мария, фон (1786—1826) — немецкий композитор, автор оперы «Волшебный стрелок» («Фрейшиц», 1821).

⁶ Беттина — Елизавета фон Арним (1785—1859), немецкая писательница, знаменитая своей публикацией «Переписка Гете с ребенком» (1835). Эту книгу М. А. Бакунин давно уже собирался перевести на русский язык. Несмотря на многократные напоминания друзей, Бакунин так и не осуществил этот замысел. Между тем Н. В. Станкевич, видимо, сообщил писательнице о переводе как якобы уже осуществленном; см. в его письме к Бакунину из Берлина от 5 апреля (24 марта) 1838 г.: «M-me Arnim (Беттина) интересовалась очень, кто ее перевел, и твое имя ей известно. Если тебе удастся быть в Берлине, она тебе будет покровительствовать; муж ее министр» (Переписка Н. В. Станкевича, с. 665).

10

Москва. 10 апреля 1839.

Сегодня я получил твое письмо, и спешу отвечать на него. Петру Петровичу¹ отвез твое к нему письмо. Он болен простудой и никуда не выходит. Завтра хочет писать к тебе.

Меня очень удивляют настоящее состояние твоего духа и какие-то твои странные обстоятельства, о которых ты намекаешь.² Думаю, думаю, — ничего не могу понять. Ты пишешь, что только лично можешь пересказать их, но ведь до личного свидания может пройти очень много времени (тем более что тебе нельзя весной приехать в Москву), а меня эта загадочная неизвестность беспокоит. Ты то же пишешь и к Ефремову,³ я говорил об

этом с ним, он только задумывается, а ничего не выдумывает. Но пусть будет так, как быть надобно.

Напрасно *просишь* ты меня не оставлять тебя в твоих затруднительных обстоятельствах (хотя я и не знаю их, но если они есть, и этого уже довольно). Просьба эта показывает, как еще мало ты знаешь меня. Как мне противны все мнимые, воображаемые несчастья, дела и необходимости, так все существо мое превращается в *Thatkraft*,^a если я только вижу и сознаю действительную нужду, действительную затруднительность близкого мне человека. Тогда снова возвращается ко мне мысль, которая родилась во мне, как только я могу себя помнить, мысль, бывшая мне утешением во всех страданиях моей души, на которой я, бывало, сладко отдыхал: это то, что если я не могу ничего совершить достойного человека и гражданина, то я могу по крайней мере пожертвовать собой для блага отечества, для счастья и жизни отца, друга моего, девушки, которую любить буду. Долго эта мысль постоянно занимала меня. Впоследствии, когда диалектика жизни много истребила доброго из моего сердца, когда другие интересы вывели меня из созерцания моего Я, эта мысль исчезла. Но и теперь, когда я вижу действительное несчастье, действительную нужду человека, мне истинно близкого, во мне опять оживает моя старая мысль со всею яркостью и силою юношеского пыла. Итак, один раз навсегда, — если тебе нужна будет рука, за которую ухватиться, когда ты будешь в опасности упасть с какой-нибудь высокой скалы в жизни, — смело протяни мне руку; если твое сердце захочет участия, захочет отдохнуть на груди другого от тяжкой борьбы в жизни, — ты у меня найдешь эту грудь и в ней кровное участие; захочешь ли облегчить себя доверенностью, я пойму всегда твою доверенность и благородно оправдаю ее. Я могу любить очень, очень немного людей, но мне кажется, что этих немногих я могу хорошо любить. Впрочем, у сердца моего очень тонкое чутье, оно тотчас узнает близость к себе другого сердца. Но зато ничто так не может отвратить меня, как притворная ласка, притворное и приторное участие, малейшая недобросовестность, и пуще всего отсутствие благородства в чувствах и поступках; но, святители, — я вижу, что письмо мое принимает какой-то грозный тон, — ах, Миша, не деликатности и приторной вежливости с собой прошу я, а прямоты и чистоты в поступках. Будь всегда со мной хоть до грубости прям и чист, я еще в тысячу раз больше буду любить тебя. Чисто и благородно сошлись мы с тобой, — надобно, чтоб связь наша была чиста, пряма и благородна. Пожалуйста, привыкай видеть во мне просто человека с таким-то и таким-то сердцем, а не человека с какими-то и такими-то сведениями. Но полно, я слишком заболтался о себе, — да ведь это все оттого, что мне хочется, чтоб ты меня знал, каков я есть со всею моею дрянью.

---

^a активная деятельность (нем.).

Ты спрашиваешь о наших квартетах, — они уже перешли в квинтет — и Гайдн сменил Моцарт. Ив<ан> Билибин⁴ наводит тоску гаммами — о ужас, с квинтетов перейти на гаммы. Я упрямил Иоганн<и>са⁵ учить его на скрипке. Право, чувствуя в себе невозможность быть порядочным человеком и порядочным музыкантом, я отдыхаю на том, что хорошо быть хоть приятелем порядочных людей и хоть хлопотами приносить пользу людям, которых люблю. *Suum quique*.⁶

Что за бесценная книга Гого! Я упиваюсь ей. Прочитавши там очерк Англии и Шекспира, я не мог утерпеть, мне захотелось иметь понятие об исторических драмах Шекспира — и я прочел «Ричарда II». Какая драматическая жизнь, какая глубина и полнота каждого характера, и что за эфирная, поражающая поэзия! Странно, однако ж, то, что мне пришли в голову шиллеровы трагедии, — и чем более я погружался в Шекспира и в бесконечную организацию его индивидуальных характеров, в его божественное созерцание человека и гражданской действительности, тем величественнее возносилась передо мною идеальная действительность Шиллера. Чтоб истинно понимать Шекспира, надо пройти чрез Шиллера. Один заставляет видеть бесконечное в червяке и мельчайшем листике, другой разворачивает картину человечества и заставляет жить в нем и сочувствовать его вечным интересам; один заставляет думать человека о судьбе земного его странствия, другой говорит: *Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude*^{в, 6} — облагораживает его и очищает от мелкой ежедневности. Шекспир, словно нарочно, окружает человека всю самую обыкновенную ежедневностью для того, чтоб просветить ее незаходимым светом своей всемогущей и неистощимой поэзии, — Шиллер указывает на человека как на духа, вознесенного над всем земным, индивидуального не как характер, а как бессмертная личность, как самостоятельное, свободное Я. Отсюда вытекает у Шиллера частая вражда против существующего порядка, против общества. Ах, как досадно мне, что не читал я «Вильгельма Телля» и «Валленштейна»! Как бы они послужили мне к уяснению гения Шиллера. Сравнить Шекспира и Шиллера глупо. И тот, кто начнет входить в гений Шекспира, тому яснее откроется гений Шиллера. По крайней мере я так думаю, а впрочем, прощай.

Твой В. Боткин.

Я так эти дни полон созерцания Шекспира и Шиллера, только жаль, что не с кем поговорить.⁷ И столько теперь в голове теснится о них, да писать лень. До свидания оставим. Вот как расписался. Хотел было написать несколько строк — а вышло целое письмо. Не спешу высылать мне Марбаха и Гейне, они не нужны.

⁶ Каждому свое (*лат.*).

^в Кратка скорбь и вечна радость (*нем.*).

<На полях:> Но Шиллер не драматик. То, что всякий человек, даже стоящий на последней степени сознания, есть мисте-рия, — это ни у кого так мистически ясно не представляется, как у Шекспира. Поэтому-то Шекс<пир> и божественнее.

Часть третьего абзаца письма с грубыми ошибками опубликована: Корнилов, с. 524; раздел о Шекспире и Шиллере см.: Егоров, с. 33—34, 39—40. Историко-литературный комментарий к ценным суждениям Богкина о Шекспире и Шиллере см.: Левин Ю. Д. На путях к реалистическому истолкованию Шекспира. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 347—349; Егоров, с. 33—34.

¹ Петр Петрович Ключников (1812—ок. 1861 г.) — врач, брат И. П. Ключникова.

² Об этих намеках можно судить по сохранившимся письмам Бакунина к А. А. Беер от 30 марта (Бакунин, II, 233—235) и к Н. В. Станкевичу от 13 мая 1839 г. (Бакунин, II, 246): Бакунин задумал ехать за границу.

³ Ефремов Александр Павлович (1814—1876) — друг Станкевича, Бакунина и Белинского.

⁴ Билибин Иван Иванович — московский музыкант, вероятно родственник Боткина. Упоминается в письмах Боткина и Белинского.

⁵ Иоганнис А. — московский музыкант. Упоминается в письмах А. И. Герцена.

⁶ Заключительная строка в драматической поэме Шиллера «Орлеанская дева» (1801).

⁷ Боткин здесь намеренно не упоминает о беседах с Белинским, что объясняется напряженными отношениями с критиком в апреле—мае 1839 г. А год спустя, в письме к Боткину от 16 мая 1840 г., Белинский так вспоминал минувшее время: «И это ты, с которым с одним из всех мне так отраднo было говорить о Шекспире, и — помнишь — кажется, мы понимали друг друга. По крайней мере я причисляю эти разговоры к блаженнейшим минутам моей жизни» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. XI, с. 524).

11

Москва. 19 апреля 1839.

Как меня взволновал тон твоей записки! Любезный Мишель, если тебе в самом деле показалось что-нибудь оскорбительно в моем письме, — поверь, все это вышло из напряженного и ужасно взволнованного состояния моего духа, в каком я писал его. Но все-таки прости меня даже и в невольном оскорблении. Знаешь ли, мне говорило предчувствие, что письмо мое — есть дурное письмо, потому что, написавши его, я не только не успокоился, напротив пришел в еще худшее состояние; лег спать — и не мог спать, и до сих пор, сам не знаю почему, мне тяжело вспомнить об этом письме. Значит, Мишель, оно вовсе не выражало состояния моего духа, ни моего чувства к тебе. Мне, может быть, хотелось писать о другом, и невозможность писать о другом, стесняя меня, произвела это болезненно-напряженное состояние души, которая искала хоть чем-нибудь излить муку свою. Но оскорбить тебя, в каком бы то ни было отношении, клянусь

моею честью, у меня не было и в мысли. Поверь мне, я говорю тебе откровенно и не скрываю ничего. Никогда в жизни не попрошу я от тебя такого снисхождения, какого прошу теперь. — Снисхождения, снисхождения, Мишель.

Петр Петрович письма твои отдал.¹ Он все еще не поправился. О высылке мне книг не заботься, пожалуйста. Мишель, если тебя стесняют сколько-нибудь ответы мне, не пиши их — не стесняй себя.

Между письмами 11 и 12 имеются еще два письма — от 9 и 13 мая 1839 г. Они почти полностью, хотя и с грубыми ошибками, опубликованы, см.: Корнилов, с. 519—520, 522. Боткин сообщает в них о резких столкновениях с Белинским на идейной и бытовой почве. Письмо от 13 мая, обращенное к Бакунину и А. П. Ефремову, уехавшему гостить в Прямухино, заканчивается так (этот раздел Корниловым не опубликован): «Завидую вам от всей души. Я думаю, теперь Прямухино уже сделалось раем. Уведомь, Мишель, когда ты поедешь в Питер и когда надеешься воротиться. Мне вместе с Ефремовым ехать в Прямухино не позволили дела, а если можно будет и ты сам будешь в Прямухине», то в первых числах июня. Иначе я не могу. Мне так душно в Москве, что нынче еду на два дня к Щепкину на дачу за 14 верст. Отец, сын и дочь Щепкины» еще не приезжали в Москву.

Конфеты, Ефремов, я послал вчера. Катков спешил проститься с тобой и приехал в среду. Вообрази его досаду! Посылаю тебе письмо его, которое по великой аккуратности почтамта подано на другой день после его приезда — а он писал его накануне своего отъезда. Прощайте, господа. Ваш Боткин. 13 мая 1839. Москва. У Северина книг еще не получено».

Щепкины — знаменитый актер Михаил Семенович и его дети Дмитрий и Александра. В день отправления письма, 13 мая, Бакунин выехал из Прямухина, только не в Петербург, а в Москву (Бакунин, II, 143). В апрельских письмах в Москву он приводил списки книг, которые необходимо заказать у Северина (там же, 235—236, 238).

¹ Ключников П. П. жил в г. Веневе Тульской губернии, близ имения Бееров, так что письма Бакунина, очевидно, были адресованы Беерам.

12

«Москва». 8 июня 1839.

Письмо твое, но, главное, не письмо, а 800 руб. — я с величайшим наслаждением получил и распорядился ими, как ты пишешь. <И. П.> Ключникову вчера отвез сам; Северину¹ отдам нынче, хоть книги твои и не получены, — но ничего, это будет больше чести. Себе с благоговением взял 60. Эти деньги постараюсь сохранить на память как вещь необыкновенную, т. е. выходящую из твоего обыкновения!!!

Ездил вчера к Г. Безобразову,² который живет там, где ты пишешь, его не застал дома, сказал его супруге, которая, мимоходом сказать, тебя не очень жалует. Я с пеню немножко поспорил о тебе. Вот, кажется, и все твои поручения. Да, благодаря Александра Михайловича за присылку этих 500 р.³

Я не знаю, Ив. Ив. Бил(ибину) едва ли будет можно ехать, вид его находится в Калуге, а в дилижансе без вида ехать нельзя. В телеге же я ни за что не согласен, — это бы ужасно разбило мне грудь.

Я хочу, чтоб ты непременно прочел «Ли́ра». Для этого я взял перевод Якимова,⁴ сверил его с подлинником, исправил, кой-где выправил язык и везу к тебе. Ты поймешь, что такое для меня эта драма, когда я решился на такой труд выправления. Прощай.

Твой Вас. Боткин.

Ты не можешь вообразить, с каким удовольствием я оставляю свои дела и готовлюсь недели на 2 проститься с ними! Господи! мне уже не надо будет ходить в амбар, — я могу сколько душе угодно лежать на траве, о, М(ишель), надо целый год прожить в городе, чтоб почувствовать, что такое деревня.

Addio mio caro!^a

Хотел было написать еще к Александру Михайловичу письмо, которое бы поразило его не краткостью, чувством, мыслию и красноречием, а просто изумило бы величию и глубиною; но так как предмет не велик и не глубок, всего только 500 руб., то и негде разгуляться.

¹ Северин Фридрих — владелец магазина немецкой книги на Кузнецком мосту, в доме кн. Голицына (ныне дом 26 — указано Г. А. Федоровым).

² Г. Безобразов — непонятно, что означает «Г»: «господин» или шрициал имени; из московских Безобразовых был наиболее известен Григорий Михайлович (ок. 1785—1854), видный чиновник (одно время московский гражданский губернатор); собственный дом его находился на углу Б. Лубянки и Б. Кисельного переулка (на месте современного дома 13 по ул. Дзержинского — указано Г. А. Федоровым). Не удалось установить генетических связей Г. М. Безобразова с московскими родственниками М. А. Бакунина — Филоной (Хионой) Николаевной и Марией Николаевной Безобразовыми (см.: Бакунин, I, 43, 91).

³ Очевидно, отец Михаила А. М. Бакунина расплачивался с долгом, своим или сына.

⁴ Якимов Василий Яковлевич (1800—1853) — профессор Харьковского университета, перевел трагедию Шекспира «Король Лир» (СПб., 1833).

13

Москва. 28 июня 1839. Ночь, и какая дивная ночь, — зачем не было таких ночей, когда я был в Прямухине...

Спешу тебе сказать, Миша, о важном явлении, которое, наконец, мне самому удалось видеть. Сначала несколько подробностей. У дяди моего Посникова¹ (отца того Посникова, медика, который уехал с Языковым² за границу) жила в семействе его

^a До свиданья, мой дорогой! (итал.).

племянница 17 лет, хорошенькая девушка. Только год она живет у него постоянно. Но до того времени она испытала много тяжкого; разнородные сильнейшие внутренние потрясения до того расстроили ее совершенно нервный организм, что вследствие одного внезапного испуга с нею стали делаться судороги, все члены беспрестанно двигались, лицо кривлялось, и все это переходило иногда в совершенную каталепсию.³ Но мне долго рассказывать тебе историю ее болезни, об этом когда-нибудь после. Надобно еще тебе сказать, что у дяди не был я давно, девушку эту видел назад тому с год, когда она была совершенно здоровою, и почти никогда не говорил с нею ни слова. Сегодня утром, только что я выхожу из телеги, прибегает брат Ваня⁴ и говорит, что эта девушка в *ясновидении*.

Не могу дольше писать, — глаза смыкаются и весь разбит, и грудь болит. А в голове бог знает что такое. Я еще не могу прийти в себя после разговора с тобой. До завтра. Я хожу как помешанный.

Утро, 29 июня.

Долго тебе говорить о том, как в ней вдруг, назад тому с неделю, постепенно развилось ясновидение, совершенно само собою, без всякого пособия магнетизма. Невозможно высказать того удивольствия, которое выразилось в ее лице, когда она увидела Спас«ского». ⁵ Он не магнетизирует ее теперь, а дает пить одну намагнетизированную воду. Но меня подробности завели бы далеко, а я спешу рассказать то, что я видел и знаю.

В 8 часов вечера я был там. Меня встречает Ваня Билибин (он живет у дяди) с восклицанием: ну, В. П., чудо! Вхожу. В креслах сидит она, — я бы не узнал ее. Лицо ее совершенно изменилось. Из обыкновенно хорошенького в самом простом значении личика, румяного и живого, я увидел лицо бледное, с самым нежным розовым отливом, прозрачное; самое святое спокойствие, тихая, невыразимая задумчивость разлита была во всех чертах, — и вместе я не умею тебе определить, что за кроткое одушевление светилось в них. «Ну вот вы пришли — я рада добрым», — проговорила она. Немного спустя она проснулась. Перед ней стояла в кружке намагнетизированная вода, не успела она, отхлебнувши, поставить ее, как уже опять впала в сон. Моя двоюродная сестра, бывшая при ней, отвела меня в сторону: «Она говорила, что вы будете к ней, и хотела что-то вам одним сказать». Я остался один с нею. Она долго молчала, — наконец, я спросил: — Вы хотели мне что-то сказать? — Да, хотите ли слушать о нашем прошедшем? — Хочу.

Я не пишу, что она мне говорила, но это были обстоятельства моей жизни, которых она никак не могла знать. Мимоходом, но темно упомянула она о моем настоящем. Я сделал ей вопрос, она не отвечала, продолжая говорить.

Не могу тебе высказать, как странно это подействовало на меня. Пошли в сад, вечер был чудный. Немного пройдя, она опять впала в сон, и в каком положении она остановится, так и стоит; тут остановилась она на одной ноге, подняв другую для сделания шагу. Ее всегда водит очень любимая ею одна из дочерей дяди. «Вы скажите ему, чтобы он не тревожился того, что я говорила ему — никто не узнает». Я в самом деле был очень встревожен. Она беспрестанно просыпается и засыпает. Ей сорвали два белых розана. Когда после этого она заснула, сказала: «Боткин, возьмите эти две розы, они к вам идут». Немного помолчав, продолжала: «Оправдайте меня, меня считают обманщицей, думают, что я притворяюсь, а это меня так мучит, так мучит, словно укус льют на раны. Трудно жить человеку между людьми». — «А разве я вас понимаю?» — «Да, вы меня понимаете, мне с вами легко». — «А с Спас<с>ким вам легко?» — «Ах, Спас<с>кий, какой добрый Спасский, он меня знает».

Немного спустя спросил я: «Хорошо ли там, куда я ездил?» — «Река, как лента, извилась, сад роскошный, много, много цветов — и церковь». — «Привез ли я с собой оттуда цветы?» — «Да, они измяты». Билибин спросил: «А где лежат мои цветы?» — «Они лежат вместе там». Ваня в самом деле забыл у меня свои цветы. «Я бы вам сыграла ваше любимое место из квартета Бетховена, да не могу, металлические струны на меня так действуют».

Когда она иногда вечером подходит к фортепьянам и играет одни аккорды, искры так и прыгают с пальцев.

Покуда будет с тебя; множество подробностей я пропустил. Вообще мыслящая способность моя ужасно расстроена. Нельзя ли тебе приехать хоть на два дня, — явление в высочайшей степени важно, и не видать его было бы тебе непростительно. Она еще не магнетизируется. Заметь, все это развилось само собою, что же будет, если ее станут магнетизировать! С нетерпением жду приезда ваших, о, если бы поскорей, поскорей они приехали! Хочется показать им эту девушку.

Вчера заезжал к Полторацким,⁶ но так как у крыльца стояло много карет, то я не пошел в комнаты, а спросил у человека, который сказал, что на следующей неделе они едут. На днях я узнаю достовернее и изведу.

Поклонись, пожалуйста, Александру Михайловичу и Варваре Александровне,⁷ а Татьяне Александровне и Александре скажи, что я не столько рад за себя, сколько за них, что они увидят наконец ясновидящую.

Твой Василий.

¹ Боткин неточен, говоря о «дяде»: из семейства Посниковых (иногда писалось: Постниковы) происходила мачеха Василия Петровича, Анна Ивановна (1805—1841). Речь идет о ее брате, московском купце Петре Ивановиче Посникове, и о сыне его Иване Петровиче (род. ок. 1814),

окончившем медицинское отделение Московского университета в 1835 г. (указано Г. А. Федоровым).

² Неясно, о каком Языкове идет речь. Известный участник кружка Белинского—Бакунина Михаил Александрович (1811—1855), кажется, в те годы не выезжал из России.

³ Катаlepsия — столбняк.

⁴ Ваня — брат Боткина Иван Петрович (1813—1869).

⁵ Спасский Михаил Федорович (1809—1859) — московский физик.

⁶ Полторацкие — вероятно, родственники Бакунина, супружеская пара Татьяна Михайловна (тетка Михаила) и Александр Маркович (1766—1839), писатель, брат отчима матери Михаила. Если речь идет об этих Полторацких, то уезжать им не пришлось: 7 июля Александр Маркович скончался.

⁷ Варвара Александровна (1792—1864) — мать М. А. Бакунина.

14

Любезный Мишель! Услышав, что семейство твое в Москве остановится в квартире Ржевского,¹ я не могу не сказать тебе моих опасений относительно этой квартиры. Я почти уверен, что Александр Михайлович не вынесет двух дней: небольшие комнаты окнами на многолюднейшую улицу в Москве, которых при этом отворить решительно нельзя, иначе пыли много станет ложиться в комнату, шум и стук от 5 часов утра до 5 утра, а днем такой, что с трудом можно говорить, воздух сжатый и душный, — все это побуждает меня сказать мое мнение, которое решительно не в пользу этой квартиры. Рублей за 200 в месяц можно отыскать в 1000 раз удобнее и — главное — покойнее. Итак, сказав тебе опасения мои, имею честь быть твоим покорнейшим слугою

В.Боткин.

7 июля 1839.

Жду от тебя письма.

Сегодня посылаю тебе несколько книг, *полученных* от Северина:

Hegels Philosophie d(er) Geschichte.

Schleiermacher Glaube.²

Carus. Physiologie.^{a, 3}

Прилагаю записку Северина, на которую ты дай ответ.

Во всяком случае я с удовольствием приму на себя поручение отыскать дом.

¹ Очевидно, речь идет о родственнике Бакунина и Бееров Владимире Константиновиче Ржевском (1811—1885), у которого был собственный дом на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевском), близ Сивцева вражка.

^a Гегель. Философия истории. Шлейермахер. Вера. Карус, Физиология (нем.).

Дом не сохранился, он стоял на месте дома 21 по бульвару (указано Г. А. Федоровым).

² Шлейермахер Фридрих (1768—1834) — немецкий философ, теолог, христианский проповедник; полное название книги — «Христианская вера» (Берлин, 1821).

³ Карус Карл-Густав (1789—1869) — немецкий врач. В Дрездене только что вышла его книга «Система физиологии» (1839).

15

«Москва». 8 июля 1839.

Напрасно тревожит тебя сознание, будто твое письмо могло оскорбить меня. Нет, Миша, прошло, невозвратно прошло то время, когда ты мог меня оскорблять. Теперь, если ты и захочешь даже, — ты меня не можешь оскорбить. Давно уже умерло во мне жесткое чувство против тебя. Ты угадал — моя нынешняя поездка в Прямухино была полным примирением. Ты был со мною так прост, так нежен. Я с тобой почти не говорил о моем к тебе чувстве, да и не нужно было говорить. Мы, наконец, стали в такое положение друг к другу, что наши взаимные чувства перешли уже возраст слов, еще шаткий, колеблющийся, хотя и полный экстаза, — они вступили в возраст деяния, — возраст, в котором почти не говорится о взаимных чувствах, но где они проявляются в действиях. Таковы мои отношения к тебе.

Мне бы хотелось назвать тебя другим именем¹ — при этом имени сердце вдруг часто, сильно забьется — и делается страшно. Непосвященный стою я у врат храма с дерзким желанием вступить в него, стать причастником жизни вечной. Нет, не с дерзким желанием, а полный страха божия, священного трепета, я зываю: верую, господи, помоги моему неверию!

Уведомь меня, когда они² будут.

¹ Боткин намекает на свое желание стать мужем Александры Александровны Бакуниной — тогда он смог бы назвать Михаила братом.

² «Они» — родители и сестры М. А. Бакунина (см. письмо 14).

16

Любезный Миша! Посылаю тебе стихи, которые очень поразили меня и заставили много думать. В них есть истина, и истина глубокая. Я не мог их не списать и не послать к тебе. Скажи мне об них свое мнение. Они из книги «Gedanken über den Tod und Unsterblichkeit, aus den Papieren eines Denkers»,¹ von Ludwig Feuerbach.² Я выписал их из характеристики Фейербаха, на-

¹ «Мысли о смерти и бессмертии, из бумаг одного философа» Людвиг Фейербаха (нем.).

печатанной в книге² «Lehrbuch der Literatur».⁶ Замечательно, что Фейербах сам принадлежал к пиетистам, но, проживши несколько лет в Берлине, изучая философию Гегеля, сделался жарким последователем его. В «Галлеских Jahrbücher»^в Гинрихс³ защищает Гёшеля⁴ от Михеле⁵ (в его «Истории философии»), но слабо; я тебе на днях пришлю «Hallische Jahrbücher». Там для тебя множество интересного.⁶

Некогда писать больше, — дел у меня куча.

⟨Москва⟩. 13 июля 1839.

Раздел о Фейербахе с грубыми ошибками и с неверной датировкой письма (19 июля) опубликован, см.: Корнилов, с. 525.

¹ «Мысли о смерти...» — вторая после диссертации книга Л. Фейербаха, вышедшая в Нюрнберге в 1830 г. (анонимно) и тотчас же запрещенная цензурой. Книга была направлена против официальной догмы христианства о бессмертии души и вообще против официальной церкви. Особенно резки были стихотворные эпиграммы, приложенные в конце книги, например:

Christlicher Staat

Was ist das Christentum jetzt? nur der Pass ins Land der Philister,
Um polizeigemäss sicher zu essen sein Brot.

(Христианское государство)

Что такое христианство в настоящее время? Только паспорт
в страну филистеров,
Чтобы, оглядываясь на полицию, безопасно есть свой хлеб).

² Из какой книги Боткин списывает стихотворения Фейербаха, выяснить не удалось.

³ Гинрихс Герман-Фридрих-Вильгельм (1794—1861) — немецкий писатель и публицист, правый гегельянец. Речь идет о его статье: H. r. i. c. h. Die Fragen der Gegenwart und Prof. Michelet's Geschichte der letzten Systeme... — Hallische Jahrbücher, 1839, № 58—60, 8—11 März, Sp. 457—476). Это уже вторая рецензия Гинрихса на книгу Михеле (см. примеч. 5), первая была опубликована в той же газете несколько месяцев назад (в № 299—302 от 14—18 декабря 1838 г.).

⁴ Гёшель Карл-Фридрих (1781—1861) — немецкий философ, умеренный гегельянец.

⁵ Михеле(т) Карл-Людвиг (1801—1893) — немецкий философ, гегельянец, профессор Берлинского университета. Речь идет о его книге «Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel» (Th. 1, 2. Berlin, 1837, 1838) («История новейших систем философии в Германии от Канта до Гегеля»).

⁶ О радикальной газете левогегельянцев «Галлеские летописи» см.: Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е, дополн. Т. I. 1818—1844. М., 1976, с. 229—242.

⁶ «Учебник литературы» (нем.).

^в «Галлеских летописях» (нем.).

Москва. 15 сентября 1839.

Что с тобою, Мишель? Что значит твое молчание? Я решительно не в силах оставаться долее в неизвестности и хочу, непременно хочу знать о тебе. Я нынче видел Надеждина,¹ — и не могу и не хочу скрыть от тебя, что я от него слышал. Он свободно рассказывает, что С. Муравьев² ему говорил о тебе *нехорошо*: что он насилу мог выжить тебя от себя. Вот содержание рассказа Надеждина, которое он передает в свойственной ему, Надеждину, форме. Эти вести поразили меня, они разорвали мне сердце. Неужели вся дурная сторона твоего характера должна была сопровождать тебя в Петербург, — как же это ты забыл взять с собою то, что составляет в тебе истинного человека? Или и здесь в тебе ложный человек часто овладевает истинным человеком?

Жестоко, больно, горько поразил меня рассказ Надеждина, потому что, несмотря на мое мнение о нем, я внутренне не мог не согласиться, что ты разделен на двух человек и что отвлеченность твоя и опрометчивость могли наделать тебе много дурного. Ты нарушишь самые святые права участия, если тотчас же не ответишь мне, слышишь, без малейшего отлагательства и рефлексии. Со мною тебе и грех, и стыдно, и нечего рефлексировать. Но главное, что меня еще беспокоит (более, нежели беспокоит): с такими внешними отношениями, или, лучше сказать, с такою необыкновенною способностью портить свои отношения и смотреть на них только с внешней стороны, — что ты мог сделать для своего дела?³ Предчувствие не предвещает мне доброго. Отвечай, хоть двумя словами, но отвечай мне.

Обо мне поговорим лично.

Твой В. Боткин.

Долго ли надеешься пробыть в Петербурге?????????

На обороте листа: «Михаилу Александровичу Бакунину».

¹ Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — известный журналист и литератор.

² Муравьев Сергей Николаевич (род. 1809) — двоюродный дядя М. А. Бакунина, у которого последний остановился, приехав в Петербург, и на средства которого, весьма стесненные, начал бесцеремонно жить.

³ Бакунин задумал добиваться развода для своей сестры Варвары, бывшей замужем за Н. Н. Дьяковым, помещиком, уланским офицером, ограниченным человеком; из хлопот Бакунина (не очень, впрочем, интенсивных и длительных) ничего не вышло.

Ради бога, скажи мне, скоро ли ты будешь? Я изнемогаю под тысячью различных противуречий, Мишель, поспеши, если можно. Войди глубже, глубже в сердце ее, — там какая-то тайна.¹ Друг Миша, напиши мне хоть слово — скоро ли будешь? И что так длит твое пребывание в Петербурге? Я потому не писал и не пишу тебе, что надо писать целую книгу, а не письмо. Жду — ради бога, хоть словцо, иначе я не знаю, что мне думать о тебе.

Твой В. Боткин,

9 октя<бря> 1839.

Письмо с грубыми ошибками и без даты опубликовано, см.: Корнилов, с. 540.

¹ Боткин имеет в виду Александру Александровну Бакунину; он постоянно был неуверен в ее ответном чувстве.

Друг Миша! Тысячу раз спасибо за письмо твое, которое я сейчас получил, и хочу написать тебе несколько строк. Ты меня совершенно успокоил. Верь мне, только в сильные, потрясающие минуты я узнаю, как ты мне дорог и как глубоко вросли в душу мои нити, меня с тобой связывающие. Твое молчание, этот мерзавец Надеждин, беспокойная забота сделали то, что я не мог подумать о тебе без болезненного волнения. Слава богу, что все хорошо. Я сам душевно за тебя, что ты столько времени живешь один, и совершенно понимаю твою неохоту писать. Молчи, когда писать не хочется, или просто пиши бюллетени о своем здоровье.

О себе надобно мне говорить так много, так много, — что лучше не начинать — сам все узнаешь, когда будешь в Прямухине. Туман, темная сила лежит между нами.¹ Но у меня в душе есть какая-то уверенность, что она, наконец, должна будет исчезнуть. Но этот туман так давит меня, в такое сухое, отверделое состояние меня приводит, что я о том только молю бога, чтоб он не лишил меня священной способности страдать. Ах! Миша, я боюсь утратить эту святую способность. В глубине моей души чувствую затверделость и часто думаю: хоть бы несчастье какое разбило эту грубую кору. Нет, друг, я не уклонюсь от несчастья, я хочу, чтоб их было на меня больше, больше, мне кажется, я тогда лучше найду себя, найду в себе бога. Все это время (недели две) я в сухом расположении, — многое к тому способствовало, — много мучительных дней, раздирающей сердце боли, но, повторяю, внутренняя уверенность исцеляет раны, которые беспре-

сташно наносит и рефлексия, и многое, многое — что ты все узнаешь в Прямухине».

Белинский теперь живет у меня, — обстоятельства его были так плохи,² что из рук вон, — вражда моя пожрала саму себя. Мы с ним в самых простых отношениях. Вижу его дурные стороны, но они уж не затемняют более его хороших сторон. Через неделю он едет в СПб. с Панаевым.³ Катков здоров и прекрасен. Вообще наш маленький кружок (теперь из 3-х) ясен. Я начал слушать курс среднеи истории у Грановского.⁴ Понемногу читаю «Эстетику».⁵

Прощай, мой друг Миша, крепко жму твою руку. Много мне надо говорить с тобой, только с одним тобой, с тобой могу говорить я, и только в разлуке с тобой чувствую, как ты дорог мне.

Много получил книг твоих от Северина.

Твой Василий.

14 октябрю 1839.

Москва.

На обороте листа: «Его Высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому, в С. Петербурге, на Невском проспекте у Полицейского моста, в доме Голландской церкви, в конторе Отечественных записок Pour remettre à Mr M. Vasouline».

Почтовый штампель: «Получено 1839 окт. 17 полдень».

Отрывок о Белинском с одной ошибкой опубликован: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 129.

¹ Боткин имеет в виду себя и Александру Александровну.

² Перед отъездом в Петербург Белинский находился в тяжелом материальном положении.

³ Действительно, Белинский выехал в Петербург с И. И. Панаевым около 22 октября.

⁴ Т. Н. Грановский только что вернулся из-за границы и осенью 1839 г. начал читать в Московском университете свой первый курс лекций по истории средневековья.

⁵ Известный гегельянец Г.-Г. Гото в 1838 г. издал в Германии полный курс гегелевской «Эстетики» (см. письмо 9, примеч. 2 и 3).

Москва. 25 октября 1839.

Друг Миша! Наконец пришло время действовать тебе. Вчера получил я письмо от Александры Александровны. Вот что случилось: она писала к тебе письмо, где говорила обо мне. Письмо это бог знает каким образом (верно, самым низким образом) попало в руки Александру Павловичу Полторацкому¹ и было им распечатано и прочтено. Вот слова ее: «„Er schricht laut von dem, daß ich entschieden bin Votkin zu heira-

ten — er beweint das Unglück meiner Ältern — versichert, daß mein Vater gesagt hat, daß er niemals dazu einwilligen wird — meine Ältern wustен noch nichts — er will ihnen alles sagen“,^a — все это сказал он Федору Константиновичу Ржевскому,² советуя ему увести свою сестру, потому что наше общество испортит ее. Сам Ржевский говорил нам: „In wenigen Tagen werden meine Ältern alles wissen“». ^b

Вот видишь ли, какие есть на свете благороднейшие люди и как заботятся они о сохранении чести и достоинства фамилии. Но это письмо не могло случайно попасться к нему в руки — тут виден условленный план, глава которого Вкарвара Александровна». Ты поймешь, друг, как тяжело и больно мне, что папилька все узнает таким образом, а следовательно, вся тяжесть упадет на А. А. Это будет ужасная история, совещания, все передастся злым языкам — пусть будет, что богу угодно. Что я тут могу? Конечно, сидеть сложа руки, смотреть — ты в силе и праве действовать. Получа это письмо, ты напиши тотчас же мне, как ты можешь выехать из Петербурга и есть ли у тебя деньги, а если нет, то сколько нужно, я тотчас же вышлю тебе. Ты должен ехать в Прямухино и зажать рот мерзавцу. Папилька волен соглашаться или нет, но он не должен отдавать на поругание дочь свою. И я уверен, ты сделаешь так. Я все ждал твоего приезда и хотел просить тебя, чтоб ты сказал Александру Михайловичу». Но судьба устроила все по-своему. Вот, друг, я приношу несчастье и раздор в ваше семейство — измучил бедную девушку, отдал ее в жертву мерзких языков — и сам, что могу я тут сам? Презренное бессилие. Вкарвара Александровна еще и прежде намекала ей о переписке.³

Мишель, прочь все другие дела — они не уйдут — долг, святой долг зовет тебя, — но что я говорю, ты все уж понял — ты напишешь ко мне, ты поедешь в Прямухино. Если б можно было у кого-нибудь занять тебе, не дожидаясь присылки от «меня».^b Постой, напишу к Панаеву.

Жду ответа.

Твой Василий Боткин».

Кроме того, в Прямухино ходят о тебе самые мрачные слухи — разуверь их хоть письмом.

Пишу к Панаеву,⁴ — если есть хоть какая возможность, чтобы выдать тебе денег, я ему тотчас же вышлю, тотчас же.

---

^a Он очень боится, что я решилась выйти замуж за Боткина — он оплакивает несчастье моих родителей — уверяет, что мой отец сказал, что он никогда не даст согласия — мои родители еще ничего не знают — он хочет им все сказать (нем.).

^b В ближайшие дни мои родители все узнают (нем.).

^v В оригинале «тебя».

На обороте листа: «Михаилу Александровичу Бакунину, как можно скорее доставить».

¹ Полторацкий Александр Павлович (ум. 1863) — родственник М. А. Бакунина, брат Алексея Полторацкого, приятеля Пушкина, и кузен А. П. Керн.

² Ржевский Федор Константинович — младший брат Владимира Ржевского (см. письмо 14, примеч. 1). Далее речь идет об одной из сестер Ржевских — Анне или Софье Константиновне.

³ Речь идет, видимо, о намеках матери о том, что она знает о существовании тайной переписки между А. А. Бакуниной и Боткиным.

⁴ Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, близкий кругу Белинского.

21

Милый друг мой! Спасибо за письмо, которое сейчас получил от тебя. Я писал тебе через Панаева, надеюсь, ты получил. Это письмо было важное, оно касалось А<лександры> А<лександровны>. Сегодня я получил письмо от нее, бог внушил ей святую мысль все самой рассказать им, прежде, нежели они узнают от Алек<сандра> Пав<ловича> Полторацкого. Все эти бури так приближают меня к ней, — и странно! я рад им и почти благословляю их. Видишь ли, какая безобразная у меня натура. Она сказала им, они не ответили ничего решительного, одни только <слова>: daß ihnen die Kinder zum Unglück gegeben waren.^a Жду всего с верою и любовью и ничего не боюсь. Удивительно, как переделывается мое существо. Я глубоко сознательно и бессознательно чувствую, что я не один теперь, и сознание этого наполняет меня таким кротким, тихим счастьем. Благослови меня, друг мой, на новую жизнь, ты был пророком и ангелом, возвестившим мне о Духе и Истине, — будь же теперь подпорою и солнцем, которое разгонит и просветит туманы, наполняющие жизнь нашу. Смело и бодро смотри вперед, потому что чувствую, что она послана мне богом, а не я нашел ее. Вспомни, как все сделалось, и ты увидишь, что тут не моя воля, ни мое желание, а высшего сродства. Не знаю, рассудишь ли ты теперь же выехать или еще остаться. Так как теперь они все знают, то ты отъездом особенно спешить не должен, кажется; впрочем, как ты сам рассудишь. Все зависит от них. Денег я пришло тебе.

Прощай, друг, и верь, верь в самое искреннее чувство к тебе твоего Васи<лия>.

Не на внешность мою смотри, а внутрь меня, там ты всегда найдешь себя. Денег вышлю по твоему уведомлению, потому что не знаю теперь, взял ли ты у Панаева, которому я об этом пи-

^a что им дети даны на несчастье (нем.).

сал, или будешь дожидаться от меня. С получения сего письма напиши мне, и сколько именно прислать тебе.

Твой Вас<илий>.

Спешу на почту. Белинс<кого>, наверно, видел, пожми ему руку крепко, крепко.¹

28 октября 1839. Москва.

На обороте листа: «Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому. В Санкт-Петербурге. На Невском проспекте, близ Полидейского моста, в доме Голландской церкви, в конторе „Отечественных записок“. Pour remettre à M. Vasouline».

Почтовый штемпель: «Получено окт. 31. Вечер».

¹ В письме к Боткину от 22 ноября Белинский подробно описывает свои встречи с Бакуниным, с которым впервые увиделся около 26 октября (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 413—418).

22

«Москва». 30 октября <1839>.

У Боткина. — Здравствуй, Миша. Как ты там поживаешь, — а мы хорошо, да и есть от чего — ты говорил и хвастался петербургскими пирожками, а я уж тебе скажу, что Боткин, если не видом и вкусом, то по крайней мере здравым рассудком, возьмет преимущество над всеми пирожками. Мы тут славно живем — работаем, ну ты как там? Мы тебя сильно по всем причинам ждем — приезжай!¹

Нет, Мишель, решительно не могу придумать тебе эпитета поживописнее, все ходил по комнате и придумывал, да нет, ты просто отец всех нелепостей. Получил я, дражайший, твое беспутное письмо и содержание его заметил, — во-первых, скажу тебе, сын мой, что Болле² — даром что из Берлина, а все-таки глуп. Он мне напомнил Радивилова,³ который находил ошибки и неправильности в Бетховене, находил, основываясь на правилах генерал-баса.⁴ Чудные правила! Говорят: «Нельзя». — Спроси: «Почему?» — Отвечают: «Так должно». — «Почему должно?» — «По правилам», — а дальше толку не добьешься. Болле должен отрицать у Шуберта всякое знание, потому что у Шуберта очень часто голосу в унисон вторит бас. А то, что Болле говорит, будто надо бы употребить терцу, то это доказывает решительно, что он или вовсе не понял «Утрен<него> звона»,⁵ или с самым диким и безжизненным вкусом.

В музыке главный вопрос: не противно ли слуху, или идет ли, прилично ли употреблено то или другое? Ежели слуху не противно и к месту прилично, то генерал-бас должен подвести это под правила. И откуда создались правила, на чем они основаны? Музыка есть, конечно, искусство, — но какое? Существующее у бога на особых правах. Она отрицает решительно мысль как

мысль, — более, музыкант, который начнет сочинять, желая ту или другую мысль представить в звуках, представит черт знает что, и один он будет только знать, что то значит, а я имею право утверждать, что то значит совсем другое. Право, я совсем потерялся с музыкой, — решительно не знаю, куда деться и как определить ее, — подумай-ка, а я чувствую, что мне не по силам. Взгляд на какое-либо музык(альное) произ(веденне) с точки генерал-баса есть самый пустой и ничтожный, есть чисто внешний, механический, математический, все равно, что рассуждать об искусстве — полезно ли оно для жизни? Радвильов знает превосходно музыку с ее внешней стороны, т. е. генер(ал)-бас, да я это знание ставлю наравне с знанием сапожного мастерства. Если с внешним знанием соединяют они и внутреннее, духовное. — ну тогда они великие блюстители искусства. Поговори с ним — ведь дух духу всегда откроется, особенно в таком истинно одухотворенном искусстве, как музыка. Болле не понимает, что такое значат запрещенные октавы; потому что только там они, где идут вместе с гармонией, а в песне Лангера не октавы, а просто унисон, и пусть г. Болле попросит, чтобы ему хорошенько растолковали, что такое запрещенные октавы, чтобы вперед не принять унисон за октавы. Лангер знает генерал-бас, ты ведь говаривал с ним и знаешь, как он понимает и знает ее <так!>; а Болле весьма срезался с своими замечаниями, и притом он, кажется, смотрел на музыку вне слов. Ну да бог с ним.

Хорошо ты живешь в Петербурге — пожми крепко руку Николаю Александровичу⁶ — только весьма жаль мне, что я стал известен ему по твоей рекомендации (вот тебе за твой каламбур). Когда же я увижу тебя? Жду от тебя известия, сколько тебе нужно для выезда из Петербурга, — ты в Прямухине авось останешься недолго, — и в Москву — п я увижу тебя. Сколько мне надо говорить с тобой — советоваться, словом — во мне недостает чего-то внутри, пока я тебя не увижу. Жду письма из Прямухина — решительного. Когда ты узнаешь порядок случившегося после отъезда твоего в Петербург, от многого надо мне будет краснеть и стыдно станет смотреть на тебя, — что же делать. Мишель, что я так слабодушен и бессилен. Да, это было страшное для меня время. Поговорим обо мне при свидании, — о! и! сколько мне надо говорить с тобой. Писать я не мог. Прощай, мой друг.

Твой Василий.

Прилагаю письмо к г. Заикину.⁷ Мне досадно, что Александр Федорович заезжал ко мне и не оставил своего адреса.⁸

¹ Первый абзац письма написан Николаем Христофоровичем Кетчером (1809—1886), переводчиком Шекспира, хорошим знакомым Бакунина, Белинского, Боткина.

² Болле — петербургский музыкант и композитор.

³ Радвильов — возможно, Владимир Ильич Радвильов (1810—1863), московский жандармский офицер.

⁴ Генерал-бас — свод классических правил для музыкальной композиции.

⁵ «Утренний звон» — романс Л. Ф. Лангера на слова И. П. Ключникова (1839).

⁶ Николай Александрович Бакунин (1818—1900) — брат М. А. Бакунина.

⁷ Заикин Павел Федорович — университетский товарищ Белинского, многократно упоминаемый в его письмах.

⁸ Возможно, Александр Федорович Заикин, брат предыдущего, тоже университетский товарищ Белинского.

23

Любезный друг, пишу к тебе в Торжок, надеясь, что письмо мое застанет тебя здесь. Получил вчера твое письмо, но хорошенько еще не прочел его. Вчера был великий для меня день — неожиданно получил письмо от Алек<сандра> Мих<айловича>.¹ Я не знаю, как думать о письме этом. Сколько мне кажется, он в сущности не против меня, т. е. уступает обстоятельствам, и в письме своем делает чисто материальные вопросы, касающиеся до моих отношений с моим семейством, словом, вопросы, которые необходимо должен сделать всякий отец, — и я вижу из этого, что он не совсем отказывает. Но с тем вместе пишет, чтобы я решительно никому не давал знать о письме его — *решительно* никому. И потому ты никаким образом не должен давать ни малейшего вида.

Деньги в СПб. к Панаеву пошлю завтра — нынче решительно некогда — и покуда 400, а достальные выпшлю скоро после — теперь касса моя весьма опустела. Ты не должен давать знать *твоим*, что знал что-нибудь о моих предложениях и намерениях — они будут сердиться на тебя. Участие твое начинается теперь, впрочем, я бы не советовал тебе действовать на папинуку, тем более что письмо его доказывает, что он не против, а то его можно раздражить.

Твой Вас<илий>.

3 ноября 1839.

Часть письма с известием о получении послания Александра Михайловича опубликована с ошибками: Корнилов, с. 545.

¹ Это письмо вместе с ответом Боткина от 4 ноября опубликовано с ошибками: Корнилов, с. 542—545.

Харьков. 16 января <18>40.

Здравствуй! Як ее може?^а Видишь ли, Миша, напрасно Павел Александрович¹ так заботился об опасности в дороге — она решительно безопасна, напрасно тревожил он этими пустыми опасениями других, это с его стороны было нехорошо, больше, чем нехорошо. Бог знает, какой вы дурной и неразумный *мальчик* (в точном значении этого слова), Павел Александрович, а я еще вас всегда хвалил и гладил по *волосам* (вот так меня уж нельзя гладить по волосам — а именно по *головке*). Я уж 6-й день в Харькове, и мне здесь не только не тяжело, но совершенно против моего ожидания — мне здесь так светло на душе, так легко. Сейчас я неожиданно был потрясен известием, что Пав<ел> Алек<сандрович> дал волю своему воображению (недаром прозвал я его алярмистом²) насчет опасности дороги, — и сердце у меня замерло при мысли, сколько беспокойств могли возбудить эти пустые опасения. Это меня глубоко огорчило. Но этого уж не воротить и не стану больше говорить.

Я почти не заметил, как прошли эти 6 дней. С семейством Кронеберг³ встретился я как с родными и бываю у них почти всякий день. Здесь еще больше узнал я, что такое для меня женское общество, — оно на меня чудесно действует. Не знаю, оттого ли, что я не знал любви сестры, не знал, что такое дружба с сестрою, — но приязнь девушки, дружеские отношения с нею дают мне такое наслаждение, что я не могу тебе высказать. Меня глубоко тронуло участие Софьи — добрая, милая девушка; право, я не могу тебе высказать, как меня трогает это участие, ведь я до сих пор так мало знал его. Я сказал Софье о себе. Эта дружба с девушкою так для меня необыкновенна, так нова, что я чувствую, как будто пробудился во мне новый, до сих пор скрытый элемент в жизни. Нынешний год я нашел в ней большую перемену — я советовал ей прочесть Беттину — она прочла — и эта книга имела на нее чудное влияние. Белинский крепко ошибается, смотря на Беттину только с литературной точки;⁴ в некотором отношении эта книга есть книга жизни. Ее животворное влияние могут видеть только глаза, которые смотрят в самую внутреннюю, задушевную сферу человеческих отношений.

Что же еще сказать тебе? О себе я не стану говорить — да и **скучно тебе слушать** все одно и то же.

Отчего же я не могу писать, хотя сердце у меня и полно — горькое и вместе сладкое чувство — милые, добрые друзья, верьте, где бы я ни был и что бы со мною ни было, — никогда не перестану я любить вас. Я ничего не умею вам больше сказать,

^а Как она себя чувствует? (укр., *искаж.*; правильно: як вона може?).

Сей час приехал от Кудьчицкого.⁵ Всего лучше узнаешь людей в горькие минуты. Теперь я еще лучше узнал Кудьчицкого. Его пежный юмор, задушевность дают мне так много отрады, особенно испытал я это сегодня, проведя с ним почти целый день. Добрый, глубокий, прекрасный человек — мне тяжело будет расстаться с ним. Видишь ли, как я здесь живу — ведь хорошо? Не правда ли? Еще больше двух недель останусь я здесь, а потом в Москву. Зачем в Москву? Мне не хочется в Москву — ужасно надоела мне эта Москва. Я ждал было от тебя письма из Шашкина,⁶ но не было — дурень ты. Кудьчицкий написал несколько сцен — «Сид в Миргороде».⁷ Дело в том, что городничий Сквозник-Дмухановский с чинами своими (предполагается, что он городничим в Миргороде) вздумал в пользу богоугодных заведений и чтоб выставить себя пред новым ревизором (уже настоящим) сыграть публично трагедию Корнеля «Сид», переведенную в 70-х годах.⁸ Ужасно смешно. Здесь я по большей части лежу на кровати и думаю об испанских делах.⁹

Относительно Софьи Кронеберг скажу тебе еще, что жаль, что на ней остался какой-то колорит книжности, морализма, навязанный отцом. Воспитание, духовное воспитание девушки — с какою глубокою обдуманностию надо браться за него. Есть только одна сила, уничтожающая плевелы ложного девического воспитания, святая сила, в которой уничтожаются все диссонансы дурных внешних влияний, эта сила есть женственность, — и вот почему хотел бы я, чтоб Соф^я Крон^еберг хоть один месяц прожила в Прямухине, — ее женственность, еще не развитая, развилась бы там. Надежду Кронеберг не могу я понять — что-то страстно-фантастическое — Юлия и Дездемона вместе, Оливия и Виола (из «Что угодно», «As you like it»).

Прощай же. Хорошенько и пониже поклонись Грановскому и объяви мое благоволение всем, кому ведать о нем надлежит. Я все-таки жду от тебя вести, а если не получу — то уж дам тебе знать

Василия Боткина.

Между письмами 23 и 24 оказывается большой интервал — два с половиной месяца; он объясняется тем, что Бакунин в середине ноября 1839 г. уже выехал из Петербурга (последнее письмо Боткина в Петербург, относящееся тоже к середине ноября, опубликовано с грубыми ошибками: Корнилов, с. 548). После краткого пребывания в Прямухине Бакунин в конце ноября был уже в Москве: Грановский встретился с ним 28-го числа, как сообщил в письме к Н. В. Станкевичу (Т. Н. Грановский и его переписка, т. II. М., 1897, с. 374). Следовательно, Бакунин виделся в Москве с Боткиным с конца ноября 1839 по начало января 1840 г., до отъезда Боткина в Харьков.

Фраза о Белинском опубликована, см.: Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 138.

¹ Павел Александрович Бакунин — брат М. А. Бакунина.

² Алярмист — паникер (от франц. *alarme* — тревога).

³ Семейство Кронеберг — имеются в виду дети недавно умершего Ивана Яковлевича Кронеберга (1788—1838), филолога-классика, ректора и профессора Харьковского университета: Софья Ивановна и Надежда Ивановна; их брат Андрей Иванович был тесно связан с кругом Белинского—Боткина как переводчик Шекспира и литературный критик, сотрудник «Отечественных записок».

⁴ Беллинский, враждебно относясь к романтическому культу Беттины — Елизаветы фон Арним в кругу младших Бакуниных, проницательно отзывается о ней (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 388, 395, 459).

⁵ Кульчицкий Александр Яковлевич (1815—1845) — талантливый писатель-юморист, близкий кругу Белинского и «Отечественных записок». Вероятно, именно Боткин ввел Кульчицкого в этот круг.

⁶ Шашкино — имение Бееров в Орловской губернии. Видимо, Бакунин собирался съездить туда из Москвы. Боткин не знал, что в момент отправления его письма Бакунин уже находился в Шашкине: он был там около 10 дней; 18 января он вернулся в Москву (см.: Бакунин, II, 282—283, 469).

⁷ Это произведение Кульчицкого не было опубликовано в печати.

⁸ «Сид» Корнеля в переводе Я. Б. Княжнина вышел в Петербурге в 1775 г.

⁹ В Испании была напряженная политическая обстановка, шла гражданская война. Боткин, побывав в 1845 г. в этой стране, подробно будет описывать эти события в своих «Письмах об Испании» (1847—1851).

25

Напрасно, любезный Мишель, сомневался ты в впечатлении, какое произведет на меня письмо твое.¹ У меня давно нет к тебе никакой враждебности; ежели же она есть у тебя ко мне, то в этом, мне кажется, главная причина — неопределенность твоего характера и твоего положения. Истинная враждебность непременно условливается взаимностью, а так как во мне ее нет, то твоя враждебность преходящая. Я в этом уверен, потому что внутри у меня к тебе самые чистые и прямые отношения. Что же касается до прямоты, то я не мог быть с тобою прям, потому что чувствовал и *знал* твою непрямоту со мною. Но это уж прошло, и за настоящие мои отношения к тебе я стою твердо и, какими бы они ни казались тебе, я чист в них и дорожу ими. Что касается до нерасположения ко мне твоих братьев, то я скажу на это одно, что при натуральной невозможности дружбы я глубоко уважаю Павла и душевно дорожу приятельскими отношениями с ним.

За письмо твое к А. А. я тебе больше нежели благодарен, — оно было необходимо и ты поступил и как брат и как друг. Боже мой! разве дружба состоит во взаимном хвалении, в восторгах друг от друга, — нет, знать все дурные стороны, все недостатки, все слабости человека — и любить его. Не правда ли? В тебе, Миша, мало этого снисхождения. Имей его побольше, потому что я первый в нем очень нуждаюсь.

Довольно тебе на первый раз, это во избежание замешательства при встрече. Я только что приехал, и первая новость — Исаев умер.² Завтра едва ли заеду — не успею. Голова горит и болит.

Твой В. Боткин.

4 февраля 1840.
12 часов почт.

¹ Очевидно, Бакунин отправил Боткину письмо в Харьков, и Боткин, только что вернувшись в Москву, где в это время находился Бакунин, спешит ответить.

² Исаев — в Москве известно несколько купеческих семей Исаевых, но кого именно имеет в виду Боткин, обнаружить не удалось.

26

23 апреля 1840.

Мишель — здоровье А<лександр> А<лександровны> очень потрясено и расстроено. Перед богом — я готов отказаться от всего, лишь бы вернуть ей прежнее спокойствие. Если ее тяготят настоящие отношения к папине и мамине — беспрестанно раздражают ее внутреннее расстройство — средство вернуть все к миру — отказаться мне от своего желания. Если это даст ей спокойствие — я готов — я решил. Скрытая неприязнь станет также мучить ее, как и явная. И для чего же я отправлю ее жизнь? Неужели для своего счастья? А разве тогда оно будет для меня? Отдаю тебе в полную и свободную волю все — и клянусь богом — я говорю все обдумавши. Целую неделю думал об этом — и решил. Ты выступи А. А., не говоря ей ничего об этом письме, — хорошо бы выкинуть в ее душу — стороною намекни о моем намерении — и словом, сделай так, как нужно, чтоб вернуть ей спокойствие. Обо мне же в этом всем не стоит думать. Для тебя должна быть одна цель — спокойствие и возможное счастье сестры. А что я говорю — то верно это не порыв, а спокойное решение, хоть и беспокойною рукой написанное.

Твой Вас. Бот<кин>.

• На обороте листа: «Его Благородию Михаилу Александровичу Бакунину, в Тверь, в квартире полковника Шпилевского».

С обилием грубых ошибок и с неверной датой (27 апреля) опубликовано: Корнилов, с. 552—553.

Данное письмо — последнее из пачки писем Боткина к Бакунину. Близится развязка романа Боткина с Александрой Александровной, близится отъезд Бакунина в Германию: он приехал в Тверь из Москвы, очевидно, хлопотать о средствах и документах для поездки за границу. Полковник Шпилевский — тверской знакомый Бакунина, имя его часто упоминается в письмах Бакунина к близким.